

ВАЛЬТЕР СКОТТ

ЧЕРНЫЙ КАРЛИК.
ЛЕГЕНДА О МОНТРОЗЕ
(СБОРНИК)

Вальтер Скотт
Черный Карлик. Легенда
о Монтрозе (сборник)
Серия «Собрание сочинений», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28521151

*Собрание сочинений: Черный Карлик; Легенда о Монтрозе: Романы: Мир
книги, Литература; Москва; 2008*

ISBN 978-5-486-02422-1

Аннотация

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. С необычайной живостью и красочностью Скотт изобразил историческое прошлое от Средневековья до конца XVIII в., воскресив обстановку, быт и нравы прошедших времен. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. В данном томе представлены два произведения В. Скотта, входящих в серию, названную автором «Рассказы трактирщика». Действие романа «Черный Карлик»,

происходит в 1707 г. во время восстания якобитов – сторонников изгнанного после событий 1688 г. английского короля Иакова II Стюарта. Роман «Легенда о Монтрозе» повествует о восстании графа Монтроза в 1645 г. и о борьбе шотландских горцев за независимость от чужеземного английского владычества.

Содержание

Черный Карлик	6
Глава I	6
Глава II	15
Глава III	29
Глава IV	44
Глава V	61
Глава VI	74
Глава VII	81
Глава VIII	100
Глава IX	112
Глава X	125
Глава XI	142
Глава XII	155
Конец ознакомительного фрагмента.	160
Комментарии	

Вальтер Скотт

Черный Карлик. Легенда о Монтрозе (сборник)

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление,
2008

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2008

*** * ***

Черный Карлик

Глава I Предварительная

[1]

Было ясное апрельское утро. Предыдущей ночью выпал сильный снег, и земля оставалась покрытой ослепительно блестящим покровом дюймов на шесть глубины. В эту пору к гостинице «Уоллес» подъезжали двое всадников. Один из них был рослый мужчина крепкого сложения, в сером кафтане, широких дорожных шароварах из толстого сукна, в кленчатой шляпе и высоких сапогах, а в руке у него был здоровенный хлыст в серебряной оправе. Ехал он на крупной и сильной бурой кобыле с жесткой шерстью, но хороших статей; седло под ним было обыкновенного помещичьего фасона, а двойная уздечка – военного образца. Сопровождавший его человек был, по-видимому, слуга: он ехал на мохнатом сереньком пони, на голове носил мягкую синюю шапку, вокруг шеи был повязан большим клетчатым платком, вместо сапог был обут в длинные шерстяные чулки синего цвета, его руки были без перчаток и сильно перепачканы дегтем, а к своему спутнику он относился с почтительным вниманием,

но без малейших признаков низкопоклонства и церемонности, свойственных людям его звания по отношению к представителям поместного дворянства. Напротив, они въехали во двор совсем рядом и чуть ли не в один голос произнесли следующую заключительную фразу своего разговора:

– Помилуй бог, коли такая погода долго продержится, что же мы будем делать с ягнятами!

Этого было достаточно для хозяина гостиницы: он вышел им навстречу, взял под уздцы господского коня, чтобы поддержать его, покуда всадник слезал с седла; конюх между тем оказал ту же услугу другому приезжему, и трактирщик, приветливо проговорив: «Добро пожаловать, милости просим!», тут же осведомился, нет ли каких вестей с южных гор.

– «Вестей»? – сказал фермер. – Да вести-то все плохие. Дай бог как-нибудь убереечь овец, а что до ягнят, то их придется поручить охране Черного Карлика.

– Да-да, – подхватил, покачивая головой, старый пастух (ибо таково было звание слуги), – нынче ему будет довольно хлопот с дохлой скотиной!

– Черный Карлик? – отозвался *мой ученый друг и покровитель*¹ мистер Джедедия Клейшботэм. – Это кто же такой

¹ В настоящем случае, а также и в некоторых других, мы позволили себе выделить те словечки, которые уважаемый издатель этих страниц, мистер Джедедия Клейшботэм*, вставил, по-видимому самовольно, в текст, написанный его покойным другом, мистером Петтисоном. Раз навсегда считаем долгом заметить, что эти вставки почти исключительно встречаются в тех местах, где дело идет о личном характере и поступках этого ученого джентльмена; конечно, ему само-

будет?

– Ну, вот еще, – отвечал фермер, – неужто вы не слыхивали о Мудром Элши, Черном Карлике, о котором рассказывают столько всякой всячины? Я, впрочем, полагаю, что все это сущий вздор и враки, от начала и до конца.

– Однако же ваш отец крепко верил этому, – молвил старик, которому, очевидно, сильно не нравился скептицизм его хозяина.

– Он-то верил, Баулди, что и говорить! Но ведь это было еще в те времена, когда у нас и домовые водились, и прочая нечисть. Мало ли во что верили тогда, а теперь уж давным-давно никто не верит... с самых тех пор, как у нас выведена длинная овца.

– Тем хуже, тем хуже... очень жаль, что так! – сказал старый пастух. – Ваш батюшка, как я вам не раз говорил, был бы очень недоволен, кабы видел, что сломали старую башню и сложили из нее ограду для парка. А любимый его холмик, поросший мятликой, где он, бывало, сиживал по вечерам, укутавшись в плед, и так любил смотреть, как коровы возвращаются с поля в загон! Каково бы ему было видеть, что этот самый холмик теперь весь перепахан и засажен?

– Полно тебе, Баулди, – возразил фермер, – выпей лучше чарку, что подает тебе хозяин, и не ломай себе головы над

му виднее, как именно следует выражаться насчет его личности и поведения. – *Примеч. авт.* Джедедия Клейшботэм* – вымышленный издатель «Черного Карлика» и ряда других романов В. Скотта.

теми переменами, которые происходят на свете, покуда сам ты здоров и благополучен.

– За ваше здоровье, господа! – молвил пастух. Он осушил свою чарку, заметил, что вино доброе, а потом продолжал: – Уж конечно, нашему брату не пристало судить о таких вещах, а все-таки я скажу, что славный был этот холмик, весь на солнышке, и мятлика на нем высокая, и куда как хорошо было бы приютить на нем ягнят в такое морозное утро, как, например, сегодня.

– Так-то так, – сказал фермер, – но ведь ты сам знаешь, что для длинных овец надо нам припасти кормовой репы и много для этого поработать и плугом и мотыгой, так уж тут некогда сидеть на пригорках да надеяться на Черного Карлика, как у вас делалось в прежние времена, когда водились одни только короткие овцы.

– Правда, правда, хозяин, – отвечал пастух, – но на коротких овец, я думаю, и расход был покороче.

Тут мой *уважаемый и ученый* покровитель опять вмешался в разговор, заметив, что решительно никогда не мог разобрать, которые овцы длиннее, а которые короче.

На это фермер расхохотался во все горло, а пастух с удивлением вытаращил глаза и сказал:

– Да ведь это о шерсти говорится, о шерсти, а не о самой скотине, когда поминают про длину или короткость! Коли померить их спины, так, пожалуй, выйдет, что долгорунная будет покороче той, у которой короткое руно. Но нынче толь-

ко шерстью и оплачивается земельная аренда, а на это немало нужно денег запасать.

– Да, Баулди говорит сущую правду, – заметил фермер, – покуда мы разводили коротких овец, цена на землю была не в пример дешевле. Мой батюшка платил за ферму всего шестьдесят фунтов в год, а мне она обходится в триста со всеми мелочами. Это так. Однако мне недосуг стоять да болтать по-пустому; хозяин, дайте-ка нам позавтракать да посмотрите, чтобы лошадей накормили как следует. Я хочу съездить к Кристи Уилсону, уговориться насчет цены, которую ему следует получить с меня за годовалых овец. На Босуэлской ярмарке мы с ним торговались, торговались, шесть кувшинов пива усидели и все не могли прийти к соглашению, все не состоялся торг... Боюсь, как бы и теперь даром не пришлось время потратить, пожалуй, от него толку не добьешься... Послушайте-ка, сосед, – продолжал фермер, обратившись к моему *почтенному и ученому* покровителю, – коли вам интересно узнать побольше насчет длинных и коротких овец, я ворочусь сюда непременно часу в первом полудни, а если пожелаете послушать рассказы про Черного Карлика и про всякие подобные штуки, то вы раскошесь на кувшин пива, распейте его пополам с нашим Баулди, и он вам все выложит, как из ружья выпалит. А коли мне удастся уладить мое дело с Кристи Уилсоном, я и от себя вам выставлю еще один кувшин.

В назначенное время фермер действительно воротился,

да еще не один, а вместе с Кристи Уилсоном: их торг сладился так благополучно, что не пришлось прибегать к судебному разбирательству. Мой *почтенный и ученый* покровитель не преминул присоединиться к их обществу, желая воспользоваться угощением, обещанным как для ума, так и для тела, *хотя всем известно, что касательно последнего он отличается крайней умеренностью*; хозяин трактира тоже пригласил к компании, и просидели мы за столом до позднего вечера, приправляя потребляемые напитки множеством отборных рассказов и песен. Последнее происшествие этого вечера, оставшееся у меня в памяти, состояло в том, что мой ученый и уважаемый покровитель свалился со стула, предварительно произнеся длинную речь в похвалу трезвости и заключив ее цитатой из «Скромного пастушка»^[2], откуда он заимствовал куплет, относившийся, собственно, к скупости, но весьма удачно применил его к пьянству:

В жизни, кто доволен малым,
Спит спокойно, без забот;
А излишек порождает
Тьму сомнений и хлопот.

В течение вечера не забыт был и Черный Карлик², а ста-

² Черный Карлик, ныне почти позабытый, в те времена слыл за очень важную особу в долинах пограничных предгорий, и на него обыкновенно сваливали в этих местах каждый изъян в овечьем стаде, каждую порчу рогатого скота. Доктор Лейден*, не раз упоминающий о нем в своей балладе «Килдарский конь»,

рый пастух Баулди знал о нем столько рассказов, что сумел

говорит, что Черный Карлик был «колдун самого вредоносного сорта, настоящий скверный *дургар*». Наиболее и наиболее достоверное описание этого таинственного и опасного существа встречается в рассказе, сообщенном автору этой книги известным исследователем старины Ричардом Сертисом**, эсквайром, из Мэнсфорта, автором «Истории Дургемского епископства». Согласно этому достоверному преданию, двое молодых людей, уроженцев Нортумберленда, отправились на охоту и, увлекшись этой забавой, забрались в горные болота на границах Камберленда. Они сделали привал в глухой лощине, на берегу речки, и стали подкреплять свои силы провизией, которую принесли с собой. Поев, один из них уснул. Товарищ, не желая беспокоить его, тихонько вышел из лощины и стал оглядывать местность, но вдруг с удивлением увидел возле себя существо, принадлежавшее как бы не здешнему миру, такой это был отвратительный на вид карлик. Голова у него была такой же величины, как у обыкновенного взрослого мужчины, что составляло странное противоречие с общим его ростом, который был далеко ниже четырех футов. Вместо шапки у него был целый лес длинных, спутанных рыжих волос, свойством напоминавших шкуру барсука, а темно-бурым, красноватым оттенком похожих на окраску зацветающего вереска. Руки и ноги его казались чрезвычайно мощными, и вообще в нем не замечалось никакой неправильности сложения, помимо уродливо сокращенного роста, при полном развитии конечностей. Испуганный охотник стоял как вкопанный и с ужасом созерцал это страшное явление; между тем оно гневно нахмурилось и спросило его, по какому праву он, непрошенный, ворвался в эти горы и с чего вздумал уничтожать безобидных обитателей здешних мест. Не зная, что сказать, озадаченный охотник попробовал задобрить разъяренного карлика, предложив ему отобрать всю дичину на правах местного землевладельца. Но это еще сильнее рассердило карлика, который объявил себя властелином этих гор и покровителем всего зверья, искавшего пристанища в здешней глуши, так что ему противно смотреть на дичину, добытую ценой их жизни и страданий. Охотник смирился перед сердитым колдуном, уверял его, что не знал об установленных им законах, клялся, что никогда больше не будет его беспокоить своим присутствием, и, наконец, как будто умилился. Карлик стал разговорчивее и сообщил, между прочим, что он нечто среднее между человеком и ангелом, а потом неожиданно прибавил, что имеет надежду способствовать искуплению сынов Адама. Он стал

заинтересовать слушателей. Оказалось, между прочим, однако не прежде, чем опорожнили третью миску пунша, что и сам фермер далеко не так недоверчиво относился к этому предмету, как можно было подумать сначала: он заявлял себя вольнодумцем и прикидывался неверующим в старинные рассказы только потому, что считал подобную слабость неприличной для человека серьезного, делового, платящего до трехсот фунтов в год одной аренды, тогда как на самом деле он был далеко не прочь верить тому, во что верили его предки. Я, по обыкновению, пустился на разведку, поспросил и других лиц, обитавших в той же дикой и пастушеской местности, где происходила следующая предлагаемая повесть, и, по счастью, мне удалось собрать многие нити этой истории, мало кому известные, но до некоторой степени могущие разъяснить такие обстоятельства, которые, по слухам, преувеличенным молвой, могли сходить за настоя-

уговаривать охотника зайти к нему в жилье, говоря, что оно тут близехонько, и чеством заверил, что отпустит его без обиды. Но в эту минуту послышался возглас другого охотника, который окликал своего товарища, и карлик, быть может не желая показываться двоим сразу, исчез из вида в тот самый момент, когда молодой человек вышел из лощинки и присоединился к своему спутнику. По общему мнению всех лиц, наиболее опытных в делах такого рода, если бы юный охотник пошел в жилье карлика, то, невзирая на успокоительные обещания, колдун или разорвал бы его на части, или замуровал бы на многие годы в какую-нибудь зачарованную горную пещеру. Таков последний из достоверных рассказов о появлении Черного Карлика.* Лейден Джон (1775–1811) – шотландский поэт, врач, востоковед и фольклорист.** *Ричард Сертис*. – Очевидно, имеется в виду Роберт Сэртис (1779–1834), собиратель древностей и фольклора, сотрудничавший с В. Скоттом.

щие чудеса и подавать повод к самому нелепому суеверию.

Глава II

Вы желаете изображать не иначе как Герна, охотника?

Шекспир. «Виндзорские проказницы»

В одном из отдаленнейших уголков южной Шотландии, там, где воображаемая черта, проводимая по вершинам обнаженных гор, отделяет эту страну от сопредельного ей королевства, возвращался с охоты на оленя молодой человек, по имени Галберт или Габби Эллиот, зажиточный фермер и потомок того Мартина Эллиота из Прикен-тауэра, о котором сохранилось немало преданий в пограничных летописях и песнях.

В старые годы водилось множество оленей в этой глухой и пустынной местности, но теперь они стали редки, и немногие оставшиеся стада укрывались в таких отдаленных и неприступных уголках, что охотиться за ними становилось все затруднительнее и рискованнее. Тем не менее в краю еще было много молодых людей, страстно предававшихся этой охоте, невзирая на сопряженные с нею труды и опасности.

Прошло уже более ста лет с тех пор, как пограничное население вложило свой меч в ножны после мирного соединения корон Шотландии и Англии на челе британского короля Иакова Первого^[3]. Но страна все еще не совсем утратила следы своего прежнего боевого духа. Так как в минувшем

столетии мирные занятия граждан многократно были прерываемы междоусобными войнами, жители не успели окончательно привыкнуть к ведению правильного хозяйства; они едва начинали заниматься овцеводством, и то в небольших размерах, и главной статьей доходов было все-таки откармливание рогатого скота по холмам и лощинам.

Поблизости от жилища фермера обыкновенно распахивался участок земли, на котором сеяли овес и ячмень в количестве, достаточном для прокормления хозяйской семьи, а обработка этого поля – сама по себе плохая и небрежная – требовала так мало времени, что и фермер, и его работники не знали, на что употребить свой досуг. Молодые люди проводили много времени на охоте и на рыбной ловле, и тот предприимчивый дух, который часто побуждал предыдущие поколения к разбойническим набегам и удалым побоищам, выражался в новейшую пору в страстном увлечении этими деревенскими забавами.

В тот момент, когда начинается наша повесть, наиболее отважные из юношей скорее с надеждой, нежели с опасением выжидали случая отличиться на военном поприще подобно своим предкам, подвиги которых составляли главный предмет рассказов и толков в семейных кругах. Прошедший тогда закон о безопасности^[4] Шотландии произвел в Англии переполох, потому что на основании его казалось вполне вероятным, что по смерти королевы Анны^[5], занимавшей в то время престол, государство снова распадется на два отдель-

ных королевства. Тогдашний первый министр, Годолфин^[6], предвидел, что единственное средство избежать междоусобной войны – это установить заранее нераздельность государства.

Каким образом осуществилось это постановление и как мало можно было ожидать от него вначале тех благотворительных результатов, которыми оно ознаменовалось впоследствии, видно из летописей этого исторического периода. Для наших целей достаточно будет сказать, что вся Шотландия была в негодовании по поводу тех условий, на которых она по закону лишилась своей национальной независимости. Общее неудовольствие породило самые странные планы и повело к учреждению многих тайных обществ и заговоров. Даже камеронцы^[7] готовы были с оружием в руках восстанавливать на престоле династию Стюартов^[8], хотя с полным правом считали их своими врагами и гонителями; словом, тогдашние интриги так перепутали все интересы, что можно было встретить, например, такое удивительное зрелище, что католики, прелаты^[9] и пресвитериане^[10] дружно действовали заодно против английского правительства, так сильно воодушевляло их общее сознание несправедливости, оказанной их отечеству. Брожение было повсеместное; а так как население Шотландии, на основании закона о безопасности, вообще было приучено владеть оружием, то оказалось, что оно недурно подготовлено к войне и ждет только прокламации со стороны кого-нибудь из дворян, чтобы открыто на-

чать враждебные действия. Таково было беспорядочное состояние общества в ту пору, когда начинается наше повествование.

Тот клейх, или дикая лощина, в которую попал Габби Эллиот в погоне за оленем, давно осталась позади; он уже возвращался домой и был довольно близко от своего жилья, когда начало темнеть. Это обстоятельство ровно ничего не значило бы для опытного охотника, который мог бы, зажмурив глаза, найти дорогу среди своих родных вересковых холмов; но дело в том, что ночная пора застигла его в окрестностях такого места, которое, согласно местным преданиям, пользовалось очень худой славой и служило притоном всяких сверхъестественных явлений. Габби с детства наслушался подобных рассказов, а так как ни в одном из уголков Шотландии не бывало такого множества разнообразных легенд, то можно поручиться, что не было и человека, до такой степени пропитанного страшными рассказами, как этот Габби из Хейфута, ибо таково было прозвище нашего приятеля в отличие от дюжины других Эллиотов, также окрещенных Галбертами.

Можно себе представить, что он, не напрягая памяти, припомнил все ужасы, сопряженные с обширным пустырем, через который предстояло ему теперь пройти, и даже так живо ему все это представлялось, что становилось положительно жутко.

Эта пустынная поляна называлась Меклстон-мур (то есть

Поляна большого камня); около середины пустыря возвышался холм, а на вершине его толстая колонна из неотесанного гранита отмечала, вероятно, место погребения какого-нибудь древнего вождя или была воздвигнута в память о кровопролитной битве. Что именно означал этот памятник – было неизвестно, но предание, так же часто изобретающее небылицы, как и охраняющее истину, заменило здешнюю правду чистым вымыслом, и этот вымысел предстал теперь воображению Габби во всех подробностях.

Почва вокруг гранитного столба была усеяна и даже загромождена множеством обломков той же каменной породы, известных в окрестностях под именем Серых гусей Каменной поляны; это название было им дано вследствие общего их расположения, разбросанности и связанного с ними предания; а предание гласило, что в давно прошедшие времена жила поблизости одна злая и могущественная колдунья, которая наводила порчу на овец, причиняла выкидыши коровам и вообще продельвала всякие вредоносные штуки, приписываемые особам ее звания. На этой поляне она, между прочим, водила хороводы со своими подружками, ведьмами, в доказательство чего и поныне указывают на земле круги, где никогда не растет ни трава, ни вереск, и, следовательно, ясно, что эти места выжжены раскаленными копытами их присяжных кавалеров, чертей.

И вот однажды, говорит предание, шла колдунья по этому самому полю и гнала стадо гусей, которых намеревалась

продать на соседнем рынке. Ведь известно, что дьявол никогда не скупится на передачу своих вредоносных сил, но в то же время часто оставляет своих приятелей в таком бедственном положении, что они бывают вынуждены исполнять всякую черную работу и добывать свое пропитание личным трудом. Время было уже позднее, а ей, ради успешной выручки, необходимо было раньше всех поспеть на базар. Но гуси, до тех пор послушно бежавшие вперед, придя на поляну, пересеченную множеством болотистых прудов и лужиц, увлеклись страстно любимой стихией и разбрелись во все стороны. Тщетно старалась она выгнать из воды и снова собрать в кучу свою команду; наконец, выйдя из терпения и позабыв точный смысл статей своего договора с чертом, подрядившимся на известный срок исполнять ее желания, колдунья воскликнула:

– Дьявол, пусть же ни я, ни гуси никогда не уйдем с этого места!

Только успела она произнести эти слова, как началось превращение, столь же быстрое, как любое из описанных у Овидия^[11]: сама старуха и все ее непослушное стадо окаменели на месте. Как видно, тот дух, которому она служила, был большой формалист и воспользовался случаем сразу погубить ее душу и тело, в то же время буквально выполняя ее желание.

Говорят, что когда она увидела, в чем дело, и почувствовала начало превращения, то сказала коварному черту:

– Ага, фальшивый обманщик, так вот как ты вздумал выполнить давнишнее обещание подарить мне серое платье!.. Ну, это будет прочно, мне его хватит на веки вечные!

Почитатели минувшего, любящие расхваливать старые годы и уверять, что нынче все измельчало и стало хуже прежнего, не раз приводили в пример эти камни и, указывая на размеры гранитного столба и окружающих обломков, говорили: «Вот какие прежде бывали большие старухи и крупные гуси!»

Все это проходило в уме Габби, покуда он шел через поляну. Вспомнил он также, что, с тех пор как приключилось упомянутое превращение, все добрые люди избегали подходить к этому месту, по крайней мере в сумерки, потому что тут обыкновенно водились всякие келпи, спунки^[12] и прочие бесы, прежние постоянные участники нечестивых игрищ колдуньи, и ныне продолжавшие навещать ее, невзирая на постигшую ее перемену. Габби от природы был отважного нрава, и потому мужественно боролся против охватившего его ужаса.

Он подозвал своих двух рослых борзых собак, с которыми никогда не расставался, отправляясь на охоту, и был уверен, что они не побоятся ни пса, ни дьявола, по его собственному выражению; тщательно осмотрел свое ружье и принялся насвистывать воинственную мелодию наподобие того, как полководец велит бить в барабаны, чтобы подбодрить своих солдат, когда не совсем уверен в их храбрости.

В таком состоянии духа он особенно обрадовался, услышав сзади знакомый голос, приветливо окликнувший его: это значило, что можно будет часть пути совершить вдвоем с приятелем. Он замедлил шаги, и вскоре его нагнал молодой человек, хорошо ему известный джентльмен, пользовавшийся некоторым достатком в этой глуши и так же, как он, проведший день на охоте. Молодой Эрнскиф, местный уроженец, только что достиг совершеннолетия и вступил во владение небольшим имением, сильно расстроенным по причине участия, принятого его родными в последних смутах. Семейство его пользовалось в краю всеобщим уважением и отличной репутацией, которую молодой человек был вполне способен поддержать, так как получил хорошее образование и отличался самым приятным характером.

– Ну, Эрнскиф, – воскликнул Габби, – как же я рад, что с вами встретился! Это хорошо во всяком случае, а уж особенно кстати, когда приходится проходить через такой пустырь... тут что ни шаг, то ямы да провалы... Где же вы сегодня охотились?

– По ту сторону Карлова ущелья, Габби, – отвечал Эрнскиф, пожимая ему руку. – Как вы думаете, наши собаки не подерутся?

– За своих я отвечаю, – сказал Габби, – они едва ноги волочат от усталости. Удивительное дело! Должно быть, олени совсем вывелись в нашей стороне. Я все окрестности исходил, был даже на вершине Ингерфела, и хоть бы единый рог

видел! Только и встретил трех старых самок, да они меня ни разу не подпустили на выстрел, даром что я сделал обход в целую милю, чтобы подойти к ним с подветренной стороны. Мне-то самому, положим, от этого небольшая печаль, да хотелось достать дичины для нашей старой бабушки. Сидит себе старушка в углу за печкой и все толкует про то, какие были в старину искусные стрелки да хорошие охотники... А я так смекаю, что они у нас давным-давно всю дичь перебили.

– А я сегодня утром подстрелил прежирного оленя и уже отослал его со своим слугой в Эрнскиф... Но вот что, Габби, я вам пришлю пол-оленя для бабушки.

– Покорно вас благодарю, мистер Патрик; правду говорят все, что вы добрая душа. Истинно обрадуете нашу старушку, особенно дорого это будет ей как доказательство внимания с вашей стороны. А уж вот бы одолжили, если бы сами пришли отобедать с нами; а то, я думаю, скучно вам одному в старой башне, покуда все ваши проживают в этом тоскливом Эдинбурге. Не понимаю, какая им охота оставаться среди длинного ряда каменных домов, под сланцевыми крышами, тогда как могли бы жить среди родных зеленых холмов!

– Мое воспитание и образование моих сестер задерживали матушку в Эдинбурге на несколько лет, – сказал Эрнскиф, – но могу вас уверить, что я наверстаю потерянное время.

– И верно, вы маленько принарядите старую башню, – сказал Габби, – и будете водиться со старинными друзьями и

соседями вашего дома, как подобает настоящему лэрду Эрн-склифскому? Я должен вам сказать, что матушка... то есть, я хотел сказать – бабушка, но с тех пор, как мы схоронили нашу родную мать, мы зовем бабку то бабушкой, то матушкой... ну, так она уверяет, будто бы вы ей не очень дальняя родня.

– Это правда, Габби, и я завтра с величайшим удовольствием приду к вам обедать в Хейфут.

– Отлично сказано! Мы с вами такие близкие соседи и к тому же родственники... и бабушка так жаждет повидать вас! Она то и дело поминает вашего отца и все еще рассуждает о том, как его убили в старину.

– Тс-с, Габби, об этом лучше не поминать... Эту историю следует предать забвению.

– Я не знал. Кабы такая история случилась промеж нашего брата, мы до тех пор помнили бы о ней, покуда не довелось бы как-нибудь отплатить за убийство... Впрочем, вам лучше знать, как делается в дворянском звании. Я слышал, будто приятель лэрда Эллисло убил вашего батюшку уже после того, как сам хозяин обнажил меч...

– Ну полно, перестаньте, Габби. Это была глупая ссора, повздорили из-за политики, да еще под пьяную руку... тут и многие другие обнажили мечи... Мало ли что было, невозможно разобрать – кто кого прежде ударил.

– Во всяком случае, старый Эллисло и помогал и укрывал; и если бы вы были расположены отплатить ему за это, никто

бы вас не осудил, потому что, как бы то ни было, у него на руках была кровь вашего отца. Да к тому же, кроме него, не с кого требовать ответа за это дело; а он, вдобавок, и прелатист и якобит^[13]. Так что в нашей стороне постоянно ждут, что между вами выйдет какая-нибудь история.

– Как вам не стыдно, Габби! – возразил молодой лэрд. – Считаете себя христианином, а сами подбиваете ближнего нарушить закон, возбуждаете к личной мести, да еще в такой глухой и болотистой местности, где бог весть кто может нас подслушать.

– Тише, тише, – сказал Габби, подходя ближе к своему спутнику, – я об этом и не думал совсем. Но я угадываю, мистер Патрик, что именно связывает вам руки. Всем известно, что храбрости у вас довольно; а причина вашей сдержанности не что иное, как серые очи красной девицы мисс Изабеллы Вэр.

– Уверяю вас, Габби, – отвечал его товарищ довольно сердито, – что вы ошибаетесь; и с вашей стороны очень, очень нехорошо, что вы не только позволяете себе произносить, но даже подумать нечто подобное. Да и я не намерен позволять, чтобы мое имя соединяли с именем какой бы то ни было девушки.

– Ну вот, так и есть, – преспокойно заметил Эллиот, – ведь я же говорил, что не от недостатка храбрости вы такой смирный! Ладно, ладно, это не в обиду вам сказано! А только вот что еще скажу я вам по дружбе: у старого лэрда Эллисло в

жилах течет все та же старинная кипучая кровь, не то что у вас; ему небось дела нет до новомодных воззрений, будто тишь да гладь лучше всего. Он, напротив, только о том и думает, как бы по-старому выехать в поле, да подраться, да поколотить кого-нибудь; и всегда у него целая орава добрых молодцов, которых он кормит, поит и держит в порядке, а народ у него бодрый, бойкий, словно молодые жеребцы. Откуда берутся у него средства на это – никому не известно. Живет он широко, а доходов получает немного, однако же и в долги не входит... Ну а ежели случится в нашем краю восстание, он, наверное, из первых выступит в поход. А он не таковский, чтобы забыть старые счета, бывшие между вами. И я так полагаю, что он не прочь пощупать, крепка ли у вас старая башня в Эрнскилфе.

– Ну что же, Габби, – отвечал молодой джентльмен, – коли ему вздумается попробовать, я постараюсь дать ему хороший отпор, как и предки мои не раз давали отпор кое-кому почище его.

– Это так, это правда... Вот теперь вы говорите как следует мужчине, – сказал упрямый фермер, – и коли что такое случится, вы только прикажите слуге позвонить в большой колокол, что висит у вас в башне, и тотчас мы с братьями, да еще Дэви из Стенхауса, соберем своих людей и мигом явимся к вам на помощь.

– Спасибо, Габби, очень вам благодарен, – отвечал Эрнскилф, – но я надеюсь, что в наше время уже не понадобится

вести такую противоестественную и нехристианскую войну.

– Э, полноте, сэр! – возразил Эллиот. – Самая обыкновенная была бы соседская война, сущие пустяки; и ни на небе, ни на земле никто не подумал бы укорять вас за это в нашей глухой стороне. Ничего тут нет противоестественного, напротив, оно и для нашего края, и для жителей вполне натурально; не можем мы существовать так смиренно, как лондонские граждане. У них, положим, и других дел много, а нам-то что делать, коли не воевать?

– Ну, Габби, – сказал лэрд, – для человека, твердо верящего в возможность сверхъестественных явлений, вы, право же, слишком смело беретесь направлять волю Божью, особенно если принять в расчет, через какие места мы идем.

– Раз вы сами не боитесь ходить через Меклстон-мур, чего же мне опасаться, Эрнсклиф? – сказал Габби, несколько обиженный. – Я и сам знаю, что тут водятся разные чудища и оборотни, да мне что за дело? У меня совесть чиста, вот разве случается иногда приволокнуться за девушками или на рынке провести кого-нибудь, так ведь это грехи не важные. Конечно, самому себя хвалить неловко, а все-таки скажу, что я парень тихий, безобидный...

– А кто проломил голову Дику Тернбуллу, кто стрелял в Уилли Уинтона? – молвил его товарищ.

– Что это, Эрнсклиф, вы, должно быть, счет ведете чужим провинностям! Голова у Дика давно зажила, а мы с ним уговорились на Воздвижение опять померяться силами на яр-

марке; так что, значит, это дело любовное. А с Уилли мы и подавно опять друзья – бедный парень! Впрочем, и всего-то попали в него две или три дробины; я согласен хоть сейчас получить в себя такой заряд за бутылку виски! А Уилли, бедняга, не здешний уроженец, он с равнины, и уж сейчас струсил... Что до чудищ и оборотней, если бы и случилось нам встретить по дороге что-нибудь такое...

– А ведь может случиться, – сказал молодой Эрнсклиф. – Посмотрите-ка, Габби, вон ваша старая колдунья стоит.

– Я говорю, – продолжал Эллиот, негодуя на подобный намек, – что хоть бы сама старая чертовка сейчас перед нами выросла из земли, я и то... Господи помилуй, Эрнсклиф, что это такое?

Глава III

– Черный Карлик у болота,
Молви, как тебя зовут?
– Так и звать, кому охота:
Тут мой дом, и мой приют.

Лейден

Предмет, мгновенно прервавший поток отважных речей юного фермера, был такого рода, что даже его менее суеверный спутник на минуту вздрогнул и притих. Луна, успевшая взойти, пока они разговаривали, по местному выражению «ныряла в облаках» и, появляясь изредка, проливала на окрестности непостоянный и смутный свет. Один из ее лучей, упавший на высокий гранитный столб, к которому они теперь приблизились, осветил у его подножия нечто похожее на человеческую фигуру; она была ростом гораздо ниже обыкновенного и медленно передвигалась между больших серых камней, как будто собиралась уходить, но что-то искала или была прикована к месту печальными воспоминаниями, изредка издавая глухие, бормочущие звуки. Все это было так похоже на появление ожидаемого призрака, что Габби Эллиот остановился как вкопанный, волосы на его голове встали дыбом, и он прошептал:

– Это она и есть... старая Эли! А что, не пустить ли в нее

пулю благословясь?

– Ради бога, не делайте этого, – сказал его спутник, ухватившись за дуло ружья, которое тот уже поднял, начиная прицеливаться, – ради бога, не стреляйте! Это, наверное, какой-нибудь сумасшедший бедняк.

– Не с ума ли вы сходите сами, что намерены к «ней» подступиться ближе? – сказал Эллиот, в свою очередь удерживая товарища, хотевшего идти вперед. – Надо же сперва хоть молитву прочесть... вот только сейчас я ни одной припомнить не могу... но это мы успеем, покуда она сама к нам подойдет... Господи! Да она и не очень спешит, – продолжал он, понемногу ободряясь под влиянием спокойствия своего товарища, а также и того, что призрак не обращал на них никакого внимания. – Вон как переступает с ноги на ногу, словно курица на горячей решетке... Я вам говорю, Эрнсклиф, – прибавил он шепотом, – обойдем лучше кругом; там хоть и болото, да неглубокое, всего по колено; а лучше же мягкая дорога³, чем плохая компания.

Однако, невзирая на задержки и уговоры, Эрнсклиф продолжал путь все в том же направлении и вскоре очутился совсем близко от странного человека.

При ближайшем рассмотрении он оказался еще ниже ростом, а именно немногим более трех футов, и – насколько

³ Шотландцы употребляют слово «мягкий» для обозначения довольно неприятных вещей. Так, например, *мягкая дорога* – та, которая ведет через лужи и болота; *мягкая погода* – когда идет очень сильный дождь. – *Примеч. авт.*

можно было судить при столь слабом освещении – почти такой же ширины в плечах. Общее очертание его тела было шаровидное, что происходило, вероятно, от какого-нибудь прирожденного уродства. Молодой охотник дважды окликнул это удивительное создание, но ответа не получил. Между тем его товарищ не переставал щипать его и тащить прочь, желая этим убедить, что благоразумнее будет идти дальше, не беспокоя своим присутствием существо столь необыкновенной наружности. Когда же Эрнсклиф в третий раз спросил: «Кто вы и что здесь делаете в такую позднюю пору?» – в ответ на это раздался вдруг пронзительный, дикий и скрипучий голос, который заставил Эллиота попятиться назад, а его спутника вздрогнуть:

– Проходи своей дорогой и не спрашивай ничего у тех, кто ничего не просит у тебя!

– Что вы здесь делаете, так далеко от всякого пристанища? Может быть, ночь застигла вас в пути? Если хотите идти за нами («Боже сохрани!» – невольно вырвалось у Эллиота), то я дам вам ночлег в моем доме.

– Вот уж лучше бы я переночевал в одиночку на дне Тэрреса! – проворчал опять Габби Эллиот.

– Проходи мимо, – повторил опять тот же голос, еще более жесткий от овладевшего им гнева, – не нужно мне провожатых и ночлег не нужен... Вот уже пять лет, как я не бывал под кровлей человеческого жилья, да надеюсь и впредь никогда не бывать!

– Он помешан, – тихо сказал Эрнсклиф.

– Он похож как будто на старого Хэмфри Эттеркапа, лудильщика, что потонул в этом самом болоте лет пять тому назад, – сказал суеверный фермер, – только Хэмфри был не так широк в плечах.

– Ступайте прочь! – крикнул предмет, возбуждавший их любопытство. – Ваше человеческое дыхание отравляет мне воздух... звуки ваших человеческих голосов режут мне уши, подобно острым кинжалам!

– Господи помилуй, – прошептал Габби, – как эти покойники ненавидят живых!.. Должно быть, его душа уж очень мучается, я так смекаю.

– Послушайте, друг мой, – сказал Эрнсклиф, – вы, по-видимому, о чем-то сильно горюете, простое человеколюбие не позволяет нам покинуть вас здесь.

– «Простое человеколюбие»! – воскликнул странный человек, рассмеявшись презрительным смехом, более похожим на вопль. – Откуда у вас взялось это заманчивое словечко, этот силок для ловли тетеревов, это пошлое прикрытие самого обыкновенного капкана, эта привада, которую всякий дурак с удовольствием хватает и, только проглотив, узнает, что под приманкой скрывался крючок, а зубцы его вдесятеро острее, чем у тех крючков, на которые вы ловите бессловесных животных, жертв вашей жадности?

– Говорю вам, друг мой, – сказал опять Эрнсклиф, – что вы не в состоянии судить о положении, в которое себя поста-

вили. Вы погибнете, оставшись один в такой глуши, и мы, из сострадания, должны принудить вас следовать за нами.

— Ну, я тут ни при чем! — сказал Габби. — Пускай призрак делает что хочет, оставьте вы его, ради бога!

— Кровь моя падет на мою голову, если я здесь погибну, — произнес незнакомец, но, заметив, что Эрнскифф подходит ближе и хочет взять его за руку, он прибавил: — А ваша кровь падет на вас, если вы хоть пальцем притронетесь к моей одежде и оскверните меня человеческим прикосновением!

Луна выплыла из-за облаков, и Эрнскифф увидел, что в протянутой правой руке этого человека блеснуло какое-то оружие, не то лезвие длинного ножа, не то ствол пистолета. Было бы безрассудно далее приставать к человеку, так хорошо вооруженному и произносившему такие отчаянные речи, тем более что молодому человеку пришлось бы в одиночку с ним справиться, так как товарищ его предоставил ему ведаться с призраком как знает, а сам направился дальше, по пути к своему дому. Итак, Эрнскифф повернулся и пошел вслед за Габби, по временам лишь оборачиваясь, чтобы еще раз посмотреть на мнимого помешанного, который, по-видимому доведенный до ярости этими переговорами, бешено шагал вокруг гранитного столба, испуская дикие вопли и крики, странно отдававшиеся по всему обширному пустырю.

Некоторое время молодые охотники молча шли своей дорогой, покуда в ушах их не замерли окончательно отголоски

этих зловещих звуков, и, следовательно, они успели довольно далеко отойти от Большого камня, в честь которого это урочище получило свое название. Каждый по-своему думал про себя о том, что они только что видели; наконец Габби Эллиот воскликнул:

– Да, можно поручиться, что этот призрак – если только он призрак – и наделал, и сам натерпелся достаточно всяких бед, куда был жив, коли его все еще так коверкает даже после смерти!

– Это какая-то бешеная мизантропия, – молвил Эрнскиф, отвечая на течение собственных мыслей.

– Так вы думаете, что это не дух? – спросил Габби.

– Я-то? Конечно, думаю.

– Ну, теперь, пожалуй, и я начинаю думать, что он, может быть, живой... А впрочем, не знаю... Я сроду не видывал ничего, что было бы так похоже на оборотня.

– Во всяком случае, – сказал Эрнскиф, – я завтра приеду сюда посмотреть, что случилось с этим несчастным.

– Среди белого дня? – осведомился фермер. – Ну, в таком разе и я, благословясь, пошел бы с вами. Да вот что, мы теперь на две мили ближе от моей фермы, чем от вашего дома, так не лучше ли вам сегодня пройти прямо ко мне, а я пошлю своего работника верхом на пони сказать вашим домашним, что вы у нас ночуете. Ведь там небось никто вас не ждет, кроме прислуги да кошки?

– Будь по-вашему, друг Габби, – отвечал молодой охот-

ник, — мне в самом деле не хотелось бы ни прислугу тревожить, ни кошку оставить без ужина из-за моего отсутствия, а потому я вам буду очень благодарен, если вы пошлете работника в Эрнскиф, как предлагали.

— Ну, хорошо, это очень мило с вашей стороны. Стало быть, мы с вами вместе пойдем домой в Хейфут? Вот будут рады вас видеть мои домашние! За это я могу поручиться.

Решив этот вопрос, они бодро пошли дальше, и, когда очутились на вершине довольно крутого холма, Габби Эллиот воскликнул:

— Знаете, Эрнскиф, как я рад каждый раз, как прихожу на это место! Видите свет там, внизу? Это огонь в окне нижних сеней, где сидит моя старая бабушка и, наверное, прядет на своей прялке. А вон наверху другой огонек... мелькает взад и вперед мимо окошек... Это хозяйничает моя кузина, Грейс Армстронг. Она делает в доме вдвое больше дел, чем мои сестры, и они сами признают это, потому что они предобрые и отличные девочки. Они говорят, да и бабушка подтверждает, что она всех их ловчее и проворнее, с тех пор как сама бабушка почти без ног. А братья мои — один поступил на службу к важному барину, а другой на Моссфадреге, на нашей дальней ферме, он там присматривает за хозяйством не хуже меня.

— Счастливы же вы, мой друг, что у вас так много хороших родных!

— Да уж, это правда! Есть мне за что благодарить Бога.

А скажите, пожалуйста, Эрнсклиф, вот вы были в коллегии и в университете в Эдинбурге, стало быть, учились в таких местах, где учат наукам как следует... Как по-вашему... не подумайте, впрочем, чтобы этот вопрос касался меня лично, но я слыхал, как священник из Сен-Джона спорил об этом с нашим пастором; дело происходило во время зимней ярмарки, и надо им отдать справедливость – оба говорили прекрасно. И вот священник уверял, будто грех жениться на кухне, а, по-моему, наш пастор гораздо тверже его приводил тексты из Священного Писания. Наш пастор ведь считается наилучшим богословом и самым искусным проповедником из всех городов, отсюда до Эдинбурга... Как вы думаете, он был правее священника?

– Без сомнения, все христиане протестантского исповедания почитают брак настолько свободным установлением, насколько указано Богом в Книге Левита. Так что, по-моему, Габби, ни по гражданским, ни по церковным законам не может быть препятствий между вами и мисс Армстронг.

– Пойдите вы со своими шутками, Эрнсклиф, – возразил его спутник, – сами небось тотчас ошестинитесь, коли вас заденешь за живое! Я вас спрашивал совсем не из-за Грейс. Надо вам знать, что она мне по-настоящему ни двоюродная, ни троюродная, потому что она дочь дядиной жены от первого брака, стало быть, вовсе мне не родня, а так, что называется, мы в свойстве... Ну, вот мы пришли на Шиллинг-хилл, и я теперь выстрелю из ружья, чтобы они знали, что я близко.

Я всегда так делаю. Если бы я принес оленя, то выстрелил бы два раза, один раз в честь дичи, другой за себя.

Он выстрелил, и тотчас в окнах замелькали огни, как будто прошли через дом и остановились снаружи, перед жильем. Габби Эллиот указал Эрнскифу на один огонек, направлявшийся от дома, по-видимому куда-то во двор.

– Это Грейс идет, – сказал Габби, – она ни за что не пойдет встречать меня у дверей, а все-таки никто, кроме нее, не вспомнит присмотреть за тем, чтобы моим собакам было чем поужинать, бедняжкам.

– «Любишь меня – люби и мою собаку»! – молвил Эрнскиф, цитируя известную пословицу. – Ах, Габби, какой вы счастливый человек!

Это восклицание сопровождалось таким вздохом, которого спутник его, как видно, не мог не заметить.

– Что ж, не я один счастливец на свете, – сказал Эллиоту, – о, я не раз видал, как мисс Изабелла Вэр оборачивалась и смотрела вслед одному молодчику, когда он проезжал мимо на скачках в Карлайле. Почему знать, что еще может случиться в жизни?

Эрнскиф пробормотал сквозь зубы какое-то замечание, но было ли это подтверждение высказанной мысли или наоборот, – разобрать было трудно, да и сам бормотавший, кажется, не желал выяснять этот вопрос. Между тем они спустились с широкого затона, окаймлявшего подножие крутой горы и очутились перед фермой под тростниковой кровлей,

служившей скромным, но прочным и удобным жилищем для Габби Эллиота и его семейства.

В дверях виднелась целая толпа веселых лиц; но, завидев постороннего, они прикусили язычки и не высказали половины тех шуток, которые предназначались для поднятия на смех Эллиота, пришедшего с охоты с пустыми руками. Произошло легкое замешательство; три красивые молодые девушки спрятались за дверь, подталкивая друг друга вперед и стараясь свалить друг на друга обязанность принять гостя и ввести его в дом; впрочем, вероятно, каждая думала о том, как бы поскорее скрыться в свою комнату и немножко подправить свой туалет, чтобы не являться перед чужим человеком в домашнем платье, годном лишь в присутствии родного брата.

Наконец Габби энергически выругал их всех (правда, Грейс между ними не было), выхватил свечу из рук одной из деревенских кокеток, жеманившейся на пороге, и ввел гостя в семейный зал или, лучше сказать, в большие сени, потому что этот дом в старые годы также играл роль защищенной крепости, и, следовательно, сборный зал был со сводами, с каменным полом и толстыми стенами, сырой и унылый по сравнению с веселыми гостиными нынешних ферм. Но теперь он был ярко освещен приветливым огнем камина, наполненного торфом и ивняком, и Эрнсклифу показалось тут очень уютно, особенно после долговременной ходьбы в темноте по горам, пронизанным холодным ветром.

Почтенная старушка несколько раз и в самых приветливых выражениях поздоровалась с гостем. Она была одета просто, но прилично: в большом чепце с висячими лопастьями, в плотно сидевшем на ней платье из домашней шерсти собственной пряжи, как подобало вдове простого фермера, но широкое золотое ожерелье и длинные золотые серьги в ушах изобличали в ней даму дворянского происхождения. Сидя в плетеном кресле в одном из углов у громадного камина, она распоряжалась вечерними занятиями своих внучек, а также двух или трех здоровенных служанок, которые, сидя позади своих барышень, усердно работали веретенами.

Когда все как следует поздоровались с Эрнскифом и наскоро распорядились насчет некоторых добавлений к домашнему ужину, бабушка и сестры начали поддразнивать Габби Эллиота насчет его неудачной охоты.

— Напрасно Дженни трудилась разводить огонь на кухне, — сказала одна из сестер. — Для той дичи, которую принес Габби, не стоило так хлопотать.

— И правда, что не стоило, — подхватила другая. — На очаге оставалось довольно сажу; если бы ее немножко раздуть, вот и готов был бы огонь, и всю сегодняшнюю добычу можно бы на нем зажарить.

— Э, да для этого и свечного огарка довольно, лишь бы его ветром не задуло, — молвила третья. — Будь я на его месте, я бы хоть ворону принесла домой, чем в третий раз являться, не найдя даже козьего рога, в который можно хоть трубить.

Габби повертывался то к одной, то к другой, взглядывая на них с грозно нахмуренными бровями, но смеющееся выражение лица слишком явно опровергало этот притворный гнев. Наконец, чтобы их задобрить, он объявил о подарке, обещанном на завтра любезным гостем.

– Когда я была молода, – молвила старушка, – мужчина постыдился бы воротиться домой, кабы по бокам его лошади не висело по оленю, вот как нынешние скупщики возят телят.

– Хорошо, кабы они для нас маленько оставили дичи, бабушка, – возразил на это Габби. – Эти ваши старые кавалеры-молодцы никак всю дичину в краю перебили.

– Нет, есть такие, что и нынче находят дичину, это только ты не умеешь ее находить, Габби, – молвила старшая сестра, искоса взглянув на молодого Эрнскифа.

– Ну ладно, ладно, голубушка, всякому псу своя удача... Вы меня извините, Эрнскиф, это есть такая пословица. В другой раз его удача достанется мне, а моя ему. А мне нынче и вправду не везет: целый день я шатался понапрасну, на обратном пути еще испугался... то есть нет, не то чтобы испугался, а удивился, встретив оборотня; а как пришел домой, так и накинулась на меня целая вереница баб, которым целый Божий день больше делать нечего, как сучить нитки веретенами либо тыкать иголкой.

– Испугался оборотней! – воскликнули хором все женщины, ибо сильна была в то время, а может быть, еще и теперь,

вера в подобные небылицы, особенно в такой глуши.

– Да нет, не то что испугался, а так только, подивился, когда увидел. Он всего один и был... Эрнсклиф, ведь и вы его видели так же хорошо, как я!

И Габби без особых преувеличений рассказал по-своему об их удивительной встрече у гранитного столба и о таинственном незнакомце, прибавив, что решительно не может понять, кто такой это может быть: сам ли сатана из преисподней или какой-нибудь пикт^[14] из тех, что владели страной в давно минувшие времена.

– Какой там пикт! – воскликнула бабушка. – Нет-нет, сохрани тебя Боже от всякого наваждения, мое дитяtko, это был совсем не пикт, а просто черный болотный бес! Ох, плохие времена наступают! Чего еще нужно этим бесам, что опять они лезут к нам мутить страну, которая только что успокоилась и стала жить по Божьему закону, в мире и любви? Ох, пропадай он совсем! Не к добру он является, здесь ли, в других ли местах! Мой отец, покойник, много раз рассказывал мне, как его видали в тот год, как случилось кровавое побоище при Марстон-муре^[15], и потом еще во время смут при Монтрозе^[16], и перед битвой под Дунбаром^[17], а в мое время его видели перед тем, как приключилась резня у Босуэлова моста...^[18] И еще, говорят, что лэрд Бенарбек, тот, что был ясновидящий, шушукался с ним перед тем, как Аргайл высадился на наш берег^[19]; но об этом я не знаю наверное, это было далеко на западе, не в наших местах... Ох,

детушки, он является не иначе, как перед бедой, так уж вы молитесь Богу хорошенько. Он один может нас спасти и помирить в тяжкую годину!

Тут Эрнсклиф стал успокаивать старушку, выразив твердое убеждение, что виденное ими существо – какой-нибудь бедняк сумасшедший, а отнюдь не сверхъестественное видение, посланное с того света возвещать войну или иные бедствия. Но все его уверения встречены были холодно, и присутствующие хором уговаривали его не возвращаться завтра на то место.

– Ох, дитяtko мое милое, – сказала старушка (по доброте души она начинала обращаться по-матерински со всяким, к кому лежало ее сердце). – Вам-то и следует беречься больше, чем всякому другому, вашему дому нанесен был тяжкий удар, пролилась кровь вашего отца, а потом начались тяжбы, судебные преследования и всякое разорение. А теперь вы один в семье цветочек расцвели, на вас вся надежда, вы должны поднять свое родовое жилище, и, коли будет на то Его святая воля, вы будете славой своего отечества и поддержкой для своих земляков. Стало быть, вам-то и не следует пускаться ни в какие рискованные предприятия, а вести себя умненько, осторожно, потому что ваша порода горячая, чересчур предприимчивая, и уж сколько от этого бед было в вашей семье!

– Но, добрый друг мой, неужели вы желали бы, чтобы я струсил пойти среди белого дня на открытое поле?

– Уж и не знаю, – отвечала добрая старуха. – Конечно, я никогда не стала бы отговаривать ни родного сына, ни доброго друга от хорошего дела, все равно, кто бы его ни затевал, и хотя бы мне самой от этого никакого проку не было; но не могу я вышибить из своей старой головы, что идти навстречу явному злу, без всякой законной причины, – грех великий и, значит, идти против Священного Писания!

Эрнскиф перестал спорить, видя, что нет возможности никого урезонить; принесли ужин, и это обстоятельство положило конец неприятному разговору. Как раз в эту минуту явилась мисс Грейс Армстронг, и Габби, застенчиво оглянувшись на Эрнскифа, сел за стол рядом с нею. Завязалась опять оживленная и веселая беседа, в которой старушка, хозяйка дома, приняла самое милое участие, и вскоре на щечках молодых девушек снова появился яркий румянец, совсем было покинувший их под влиянием страшного рассказа их брата о призраке. После ужина еще часок посветили песням и танцам, и так славно развеселились, как будто на свете никогда не бывало ни бесов, ни оборотней.

Глава IV

*Я мизантроп, питаю отвращенье
К людской породе; что же до тебя,
Желал бы я, чтобы ты собакой был:
Тогда б я полюбил тебя немного!*

Шекспир. «Тимон Афинский»

На другой день, после завтрака, Эрнсклиф простился с гостеприимными хозяевами, обещая не опоздать к обеду, чтобы вместе с ними отведать дичи, доставленной на ферму из его дома. Габби как будто откланялся ему у своей двери, но потом выскользнул вон из дома и нагнал его на вершине холма.

— Вы, наверное, туда пойдете, мистер Патрик. Ну, чтобы там матушка ни говорила, а я от вас не отстану. Я счел за лучшее, однако, потихоньку уйти из дому, чтобы она не догадалась, куда мы с вами отправляемся, потому что огорчать ее я ни за что не хочу. Покойный отец перед смертью все об этом говорил, чтобы ни в каком случае ее не обижать.

— Еще бы, Габби, — сказал Эрнсклиф, — она стоит того, чтобы ее поберечь.

— О, коли на то пошло, ведь она и о вас стала бы убиваться почти так же, как обо мне. А как вы полагаете, в самом деле, это ничего, что мы опять сунемся туда? Собственно говоря,

ведь на то наша добрая воля и ничто нас не принуждает к тому?

– Если бы я был вашего мнения, Габби, – отвечал молодой джентльмен, – я бы, может быть, и не стал мешаться в это дело; но так как я убежден, что сверхъестественных явлений не бывает или, по крайней мере, в наше время они большая редкость, мне как-то совестно отказываться от исследования этого предмета, потому что, быть может, от этого зависит жизнь или смерть бедняги помешанного.

– Ну, коли вы так думаете, то и ладно, – сказал Габби неуверенным тоном, – а что до волшебниц... то бишь, до добрых соседок – люди говорят, будто они не любят, чтобы их звали волшебницами, – прежде их встречали под вечер чуть ли не на каждой кочке, а нынче их совсем не видать. Не могу похвастать, чтобы я сам встречался с ними. Только один раз: шел я через болото да и слышу, как позади меня кто-то свистнул во мху... ни дать ни взять, как чибис... А вот батюшка мой, покойник, не раз видал, возвращаясь с ярмарки в вечернюю пору и, уж конечно, маленько выпивши, царство ему небесное.

Эрнскиф внутренне посмеялся тому, как ясно выразилось в этом рассказе постепенное ослабление суеверия, по мере того как оно передавалось от отца к сыну; и они продолжали беседовать на эту тему, пока не пришли к гранитному столбу, стоявшему среди пустыря.

– Так и есть, – молвил Габби, – вон он опять бродит на

том же месте. Но теперь светло, и у вас ружье, а я захватил с собой нож... стало быть, ничего, можно и поближе подойти.

— Само собой разумеется, — сказал Эрнскиф, — но я не могу понять, что это он такое делает?

— Как будто каменную плотину строит; видите, из Серых-то гусей, как прозвали все эти рассеянные камни... Вот странно! Я никогда не слыхивал ни о чем подобном.

Подойдя ближе, Эрнскиф вынужден был согласиться с мнением своего товарища. Человеческая фигура, виденная ими накануне вечером, медленно и упорно трудилась, нагромождающая большие камни друг на друга, как будто намереваясь сделать из них толстую ограду. Материала было множество, но работа была крайне утомительная по причине крупных размеров большей части камней; и было изумительно, каким образом удалось ему своротить с места некоторые глыбы, послужившие фундаментом зданию. В ту минуту, как молодые люди приблизились к нему, он был так занят перетаскиванием огромного камня, что не заметил их, пока они не подошли совсем близко. Поднимая свою тяжелую ношу и устанавливая камень на определенное место, он выказал такую необычайную мощь, которой никак нельзя было ожидать от такого крохотного уroda. Судя по трудностям, которые он успел преодолеть, можно было подумать, что он одарен геркулесовой силой: иные из сложенных им камней впору было двоим мужчинам сдвинуть с места.

В уме Габби опять шевельнулись прежние подозрения,

глядя на такие сверхъестественные подвиги.

— Я почти уверен, что это призрак хорошего каменщика... глядите, какую он штуку наворотил! А если это все-таки живой человек, хотелось бы мне знать, что он возьмет, чтобы сложить плотину через болото. Нам бы очень не лишнее было соорудить что-нибудь в этом роде от Кринглхопа до Шо-са... Эй, добрый человек! — тут Габби возвысил голос. — Как вы хорошо да прочно работаете!

Тот, к кому он обратился, поднял на него вытаращенные глаза и, выпрямившись из своего наклонного положения, предстал перед ними во всем безобразии своего уродства. У него была огромная голова, покрытая шапкой спутанных волос, частью поседевших от времени; кустистые, взъерошенные брови торчали над глубокими впадинами маленьких, темных и пронизательных глаз, в эту минуту вращавшихся в каком-то диком безумии. Остальные черты лица его были того грубого, крупного типа, который художники придают сказочным богатырям; к этому нужно прибавить еще выражение суровости и злобного недоверия, свойственного по большей части людям от рождения неправильно сложенным. Его широкоплечее и плотное туловище было посажено на большие ступни, а ноги и бедра как будто отсутствовали, по крайней мере, были так коротки, что из-под одежды их не было видно. Руки были длинные, мускулистые, и там, где в пылу работы рукава отвернулись, видно было, что они покрыты жесткими черными волосами. Казалось, будто приро-

да, создавая его члены, предназначала их первоначально для великана, но потом раздумала и придала их карлику, – так мало эти длинные руки и мощное туловище соответствовали его росту. На нем было нечто вроде блузы из грубой ткани коричневого цвета, подпоясанной ремнем. На голове у него была шапка из барсучьего меха, с грубо торчащими волосами, что еще усиливало общее впечатление уродливости этой странной фигуры и мрачности лица, выражавшего суровое недоверие и ненависть к людям.

Странный карлик молча уставился на молодых людей своим зловещим, раздраженным взором; наконец Эрнсклиф, желая как-нибудь смягчить его, промолвил:

– Вы предприняли тяжкий труд, друг мой; позвольте, мы вам поможем.

Вместе с Эллиотом он поднял камень и положил его на довольно уже высокую стенку. Карлик смотрел на них строгим и критическим оком подрядчика и несколькими нетерпеливыми жестами выразил досаду на то, как долго и неловко они укладывают камень на место. Затем он указал им на другой – они тотчас сделали то же, потом на третий, на четвертый, и они продолжали действовать под его руководством, хотя это было совсем нелегкое дело, так как он, точно нарочно, указывал на самые крупные и увесистые глыбы из лежавших поблизости.

– Ну, друг, – молвил Эллиот, когда неугомонный карлик протянул руку к громадному камню, превосходившему объ-

емом все предыдущие, – Эрнслиф пускай себе делает как хочет; по мне все равно, бес ли ты или живой человек, а я не намерен больше ломать себе пальцы и надрывать спину, ворочая камни точно поденщик, и хоть бы ты мне за это спасибо сказал.

– «Спасибо»! – воскликнул карлик тоном глубочайшего презрения. – Изволь, прими мою благодарность на здоровье! И пусть она принесет тебе столько же счастья, как мне, когда ее расточали передо мной... И как всякому жалкому смертному, слышащему повторение этого словечка из уст себе подобного, жалкого червя!.. Прочь отсюда! Или работай, или ступай прочь!

– Слышите, Эрнслиф, какой награды мы с вами дождались за то, что строили пристанище для беса, да еще, того и гляди, душу свою опоганили этим делом!

– Наше присутствие, – сказал Эрнслиф, – очевидно, только пуще его раздражает; лучше уйдем отсюда и пришлем ему с кем-нибудь из прислуги кое-какой провизии и самых необходимых вещей.

Так они и сделали. Слуга, посланный на пустырь, застал карлика все еще за постройкой стены, но не мог добиться от него ни единого слова. Впрочем, этот парень, насквозь пропитанный местными предрассудками, недолго приставал к нему с расспросами и, положив все принесенное с собою на камень на некотором расстоянии от карлика, ушел, предоставив ему распоряжаться как знает присланными ему по-

дарками.

День за днем карлик продолжал трудиться так прилежно, что результаты его усилий казались баснословными. Ему удавалось в течение одного дня выполнить работу, которую впору было сделать двоим, и вскоре его постройка приняла вид избушки, правда, очень маленькой и сложенной только из камней и торфа, без всякого цемента, но зато стены ее благодаря величине употребленных на нее камней были так толсты и прочны, как редко случается с домами таких скромных размеров и бесхитростной архитектуры. Эрнсклиф, внимательно следивший за ходом его работы и заметив, к чему она клонится, послал и велел сложить поблизости несколько деревянных брусьев для устройства крыши, а на другой день намеревался привести туда работников, чтобы установить стропила; но опоздал, потому что с вечера, всю ночь и с раннего утра карлик работал так ловко и усердно, что установка крыши была уже почти окончена. После этого он принялся резать тростник и настилать его на свою кровлю, проявляя и в этом деле удивительное проворство и умение.

Так как было очевидно, что ему неприятно принимать помощь от кого-либо, исключая случайных прохожих, Эрнсклиф старался незаметно доставлять ему только материалы, годные для его надобностей, и некоторые инструменты, которыми он владел довольно искусно. Таким образом, он сам сделал себе дверь, окно, нечто вроде кровати и несколько полок по стенам.

По мере того как все это приводилось в исполнение, нрав его становился как будто менее угрюм.

Покончив со своим жилищем, он принялся обносить его крепкой оградой, а затем стал обрабатывать почву вокруг домика и до тех пор перекапывал ее и перемешивал с навозом, покуда не устроил себе садика.

Нет сомнения, что этот отшельник, как уже упомянуто выше, не раз получал помощь извне, от случайных прохожих или от людей, нарочно приходивших полюбопытствовать, что он тут делает. И в самом деле, глядя, как этот несчастный уродец без устали постоянно работает, тогда как по особенностям его сложения это казалось для него совсем непосильным трудом, каждый прохожий невольно останавливался, стараясь хоть чем-нибудь пособить ему. Но так как случайные посетители не могли сообщать друг другу о том, в чем именно они ему помогали, а в результате все работы карлика подвигались вперед с необыкновенной быстротой, эта-то быстрота и казалась всем необъяснимой и прямо-таки сверхъестественной. Прочный и солидный вид домика, построенного в столь короткое время, и притом таким убогим существом, а потом его мастерство по части механики и других ремесел пробудили в соседях подозрения особого рода. Окрестное население перестало считать его призраком, успев убедиться по многим признакам, что он существо, одаренное плотью и кровью, но они решили, что он находится в сношениях с нечистой силой и для того избрал местом жи-

тельства этот пустырь, чтобы без всякой помехи сообщаться с бесами. Уверяли, хотя не в том смысле, как понимают это философы, что когда он остается один, то это не значит, чтобы он был в одиночестве; что с тех высот, которые окружают болото, путники не раз замечали издали, как рядом с отшельником ходит кто-то другой, но, когда они приближались к этому месту, он исчезал бесследно. Такую же фигуру видали иногда сидящей рядом с карликом у его двери, гуляющей по поляне или помогающей ему тащить воду от колодца. Эрнсклиф, желая объяснить это явление, высказал мысль, что это могла быть тень самого карлика.

– Как бы не так! – возражал на это Габби Эллиот, стойкий защитник общественного мнения. – Он слишком близкий приятель старой колдуньи, чтобы у него могла сохраниться тень! К тому же, – рассуждал Габби, – кто когда видывал, чтобы тень приходилась между человеком и солнечным светом? И еще эта штука, кто бы она там ни была, гораздо худощавее и выше его ростом, и люди сто раз видали, как она ходит с ним рядом, заслоняя его от солнца.

Подобные подозрения, которые в другой части страны повлекли бы за собой дознания и очень неприятные для карлика последствия, здесь произвели только то, что к нему относились с большим благоговением. Отшельник был, по видимому, доволен признаками робкого почтения, с каким прохожий, приближаясь к его жилищу, вздрагивал от ужаса, оглядывался на его фигуру, на обстановку и, ускоряя шаги,

спешил пройти мимо. Наиболее отважные решались остановиться на несколько мгновений, поглазеть на стены избышки, на садик и в виде извинения отвешивали хозяину низкий поклон, на который тот отвечал иногда одним словом или просто кивал головой. Эрнсклиф часто проходил этой дорогой и редко пропускал случай поговорить с отшельником, который, очевидно, поселился тут окончательно.

Не было никакой возможности вовлечь его в разговор о его личных делах; впрочем, он ни о чем не говорил охотно, и только в последнее время заметно было, что яростный характер его нелюдимства начинал смягчаться или, скорее, что на него реже находили припадки безумия, одним из признаков которого была именно эта преувеличенная мизантропия. Никакими убеждениями нельзя было заставить его принять какой-нибудь подарок, помимо предметов первой необходимости, хотя Эрнсклиф не раз пытался навязать ему то или другое из человеколюбия, тогда как суеверные соседи делали то же из других побуждений. За такие приношения он отплачивал им полезными советами, когда они приходили просить его помощи для своих больных или для захворавшего скота. С течением времени окрестные крестьяне привыкли обращаться к нему с такими просьбами. Он часто давал им, помимо советов, и сами лекарства, и оказывалось, что у него бывали не только травы местного производства, но и различные заморские снадобья.

Он говорил своим посетителям, что его зовут Элшендер —

пустынник; но народ вскоре стал называть его Умником Элши или Мудрецом Меклстон-мура. С ним совещались не только по поводу телесных недугов, но нередко спрашивали его мнение насчет других вещей; и он подавал столь мудрые советы, что в краю еще более утвердилась вера в сверхъестественное происхождение его познаний.

Просители приносили обыкновенно какое-нибудь вознаграждение и клали его на камень на некотором расстоянии от домика. Если это были деньги или что другое, чего он не желал принять, он или выбрасывал вон такие дары, или просто оставлял их на месте, не притрагиваясь к ним. Во всех случаях его обхождение и манеры были суровы и необщительны, а речи по возможности кратки и отрывисты; так что он произносил ровно столько слов, сколько было необходимо для выражения его мысли. Когда миновала зима и в садике у него начали поспевать овощи и зелень, он питался ими почти исключительно. Впрочем, он принял в подарок от Эрнсклифа пару коз, которые паслись у него на лужайке и доставляли ему молоко.

Убедившись, что дар его принят, Эрнсклиф вскоре после этого пришел в гости к отшельнику. Старик сидел на широком и плоском камне у двери в свой сад: это было то место, где он заседал обыкновенно, когда принимал посетителей и подавал медицинские и иные советы. Что до внутренней его хижины и самого сада, это были такие священные места, куда никто не имел доступа: вероятно, он считал бы

их оскверненными, если бы туда ступила нога человеческая. Когда он запирался у себя дома, никакими просьбами нельзя было добиться, чтобы он показался или выслушал кого бы то ни было.

Эрнскифф ловил рыбу в речке, протекавшей неподалеку оттуда, и пришел с удочкой в руках, неся за плечами корзину, наполненную форелью. Он сел на камень, лежавший почти против карлика, который настолько успел привыкнуть к присутствию этого гостя, что, заслышав шорох, только приподнял свою громадную косматую голову, с минуту уставился на него, потом опять опустил ее и впал в глубокую думу.

Эрнскифф между тем оглянулся вокруг и заметил, что отшельник успел пристроить к своему жилищу сарайчик или хлев для коз.

– Вы удивительно трудолюбивы, Элши, – молвил он, желая втянуть в беседу этого странного человека.

– Труд, – отозвался карлик, – есть наименьшее из зол, доставшихся в удел человеческому роду. Лучше работать так, как я, чем забавляться так, как вы.

– Да, не могу сказать, чтобы наши обычные деревенские забавы отличались милосердием, Элши, однако...

– Однако, – перебил его карлик, – они все же лучше ваших обычных занятий; лучше прилагать легкомысленную и праздную жестокость к бессловесной рыбе, нежели к себе подобным. Впрочем, отчего же? Пускай все человеческое стадо перебьет друг друга, пускай все передерутся, упьются кро-

вью, уничтожат взаимно всю породу, покуда не останется на свете последний экземпляр... один-единый, рослый и упитанный бегемот... и когда он сожрет останки своих собратий, обгложет все их косточки, больше нечем будет питаться ему, и он несколько дней станет реветь с голоду, а потом начнет умирать и, наконец, издохнет... Вот был бы конец, достойный всей породы!

– Ваши дела гораздо лучше ваших речей, Элши, – молвил Эрнсклиф, – сами вы способствуете сохранению этой породы, о которой отзываетесь с такою ненавистью.

– Так, а зачем я это делаю? Слушайте, вы из тех, на кого я взираю с наименьшим отвращением, а потому, так и быть, потрачу несколько лишних слов, чтобы разрушить ваше ослепление. Раз я не могу причинять заразных болезней в семействах, насылать падеж на их стада, я достигаю тех же разрушительных целей именно тем, что способствую продолжению их жизни. Если бы я допустил Алису Боур умереть прошлой зимой, разве молодой Рутвен был бы убит по весне из-за любви к ней?.. Никто и не думал держать своего скота за крепкой оградой, покуда свирепый грабитель из Уэстбернфлета лежал больной, при смерти... Но как только я вылечил его и поставил на ноги, так ни одного стада не выпускают в поле без сторожей и не ложатся спать, не спустив с цепи злейшего пса!

– Признаюсь, – отвечал Эрнсклиф, – вы не очень облагодетельствовали общину тем, что вылечили этого человека.

Но зато вы же помогли моему другу Габби. Он славный малый, этот Габби Эллиот из Хейфута! Зимой он лежал в злой горячке, от которой мог бы умереть, если бы не ваше врачебное искусство.

– Вот как думают в своем невежестве презренные сыны праха, – молвил карлик, злорадно улыбаясь, – и вот как они судят по своему неразумию. Возьмите котенка от дикой кошки и приручите его – какой он будет веселый, какой забавный игрун и какой смирный! Но попробуйте дать ему поиграть с вашей дичью, с вашими ягнятами, цыплятами, и врожденная кровожадность возьмет свое: он набросится, будет царапать, рвать когтями и пожирать.

– Таков его звериный инстинкт, – сказал Эрнсклиф, – но что же тут общего с Габби?

– Это его эмблема, его портрет, – возразил отшельник. – Он теперь смирен, спокоен и приручен, потому что его врожденным наклонностям еще не было случая проявиться; но пусть прозвучит боевая труба, пусть только он почует запах крови – и он будет так же свиреп, как любой из его диких предков, беспощадно поджигавших убогие жилища безоружных поселян. Вы не можете отрицать, что и теперь он часто подстрекает вас отплатить кровавой мстостью за обиду, нанесенную вам в детстве!

При этих словах Эрнсклиф невольно вздрогнул, но карлик, как бы не замечая его удивления, продолжал:

– И труба зазвучит, и кровожадный юнец почует кровь, а я

тогда посмеюсь и скажу: вот для чего я позаботился о твоём здоровье! – Он опять помолчал, а потом прибавил: – Значит, вот каково мое лечение; цель моя – увеличивать сумму бедствий и даже в этой пустынной глуши участвовать в общей трагедии. Если бы вы заболели, я бы мог, из жалости, вместо лекарства прислать вам яду.

– Премного вам обязан, Элши, и, в случае чего, не премину обратиться к вам за помощью, особенно после того, как вы меня так приятно обнадежили.

– Советую не слишком льстить себя надеждой, что я так уж непременно поддамся чувству жалости к вам, – сказал карлик. – И в самом деле, к чему избавлять глупца, так отлично приспособленного к перенесению житейских зол, от всех бед, которые сулит ему жизнь, отчасти потому, что он от нее слишком многого ждет, а частью оттого, что люди так подлы? С чего я возьму на себя роль сострадательного индейца, одним ударом томагавка раскраивающего череп пленнику, и тем помешаю моим землякам три дня кряду забавляться его мучениями, тогда как они уж и костер раздули, и клещи накалили, и котлы кипят, и ножи наточены, и сами они жаждут рвать его тело на клочки, жечь каленым железом, обливать кипятком и всячески издеваться над ним?

– Вы изображаете жизнь в ужасных красках, Элши, но это меня не пугает, – отвечал Эрнсклиф. – Мы посланы в мир, с одной стороны, чтобы терпеть и страдать; но с другой – нам дано действовать и наслаждаться. После трудового дня на-

ступает вечерний отдых, и даже в терпеливом перенесении страданий бывает известная доля отрады, если имеешь утешительное сознание исполненного долга.

– Я презираю это рабское и скотское учение! – воскликнул карлик, и глаза его загорелись безумной яростью. – Я ненавижу его, оно достойно лишь бездушных скотов! Но не хочу больше тратить с вами слов!

Он вскочил со скамьи и хотел войти в хижину, но на пороге остановился и, обернувшись, прибавил с величайшим жаром:

– А чтобы вы не думали, что источником моих так называемых благодеяний служит дурацкое и раболепное чувство, именуемое любовью к ближним, знайте, что если бы на свете был человек, который обманул бы сладчайшую надежду моей души, истерзал бы мое сердце в клочки, иссушил бы мой мозг и довел бы его до белого каления, и будь жизнь и судьба этого человека в моей власти, так же как вот эта посуда, – он схватил стоявшую возле него глиняную чашку, – я бы и не подумал расшибить его вдребезги, вот так! – Он со всей силы швырнул ею в стену, и чашка разлетелась на мелкие кусочки. – Нет! – Тут он заговорил тише и спокойнее, но с невыразимой горечью. – Я бы его ублажал, окружил бы его богатством, одарил могуществом, чтобы хорошенько разжечь его дурные страсти, развить его злую волю; я дал бы ему все средства к удовлетворению его пороков и подлых наклонностей; он был бы центром непрестанного водоворо-

та, без отдыха кипел бы сам в своей злобе и в то же время имел бы свойство губить каждую утлую ладью, попадающую в его соседство; подобно землетрясению, он потрясал бы саму почву, его несущую, и всех ее обитателей превращал бы в бездомных, безродных и злополучных уродов... как я!

С этими словами несчастный опрометью бросился в хижину, захлопнул за собой дверь и задвинул ее двойным засовом, как бы с тем, чтобы избавиться от вторжения ненавистного человечества, доведшего его душу до такой безумной ярости.

Эрнскифф ушел оттуда со смешанным чувством ужаса и сострадания, раздумывая о том, какие странные и печальные причины могли довести до такого жалкого состояния человека, который, судя по его речам, очевидно, был и по рождению и по образованию гораздо выше простолюдина. Не менее удивляло его и то обстоятельство, каким образом этот отшельник, живший так уединенно и так еще недавно здесь поселившийся, мог узнать столько подробностей касательно образа мыслей, характера и частной жизни своих соседей.

«Что удивительного, – думал Эрнскифф, – что, обладая такими сведениями, живя такой жизнью, обладая такой поразительной внешностью и выражая столько ненависти и презрения к человечеству, этот бедняк прослыл колдуном и люди думают, что он связался с врагом рода человеческого!»

Глава V

*И каменный утес в глуши уединенной
Невольнo чувствует дыхание весны;
Апрельская роса и солнца луч приветный
В поблекший горный мох вливают жизнь и свет.
Так точно и в душе, не ведавшей отрады,
Внезапно дрогнет жизнь при виде женских слез;
И долю мрачную, в борьбе с судьбой суровой,
Улыбка женская весельем озарит.*

Бомонт^[20]

По мере того как весна подвигалась вперед, погода становилась теплее и отшельник все чаще выходил посидеть на широком камне у дверей своего жилища. Однажды около полудня, когда он сидел таким образом, на некотором расстоянии от его хижины пронеслась целая толпа дам и джентльменов верхом на борзых конях, в сопровождении множества слуг. Собаки, соколы, запасные лошади дополняли их штат, и воздух по временам оглашался криками охотников и звуками охотничьих рогов. При виде этого веселого сбора отшельник встал с намерением уйти в хижину, но в эту самую минуту перед ним внезапно очутились три молодые девушки со своей прислугой: они, очевидно, отделились от остального общества и подъехали с другой стороны, потому что им показалось любопытно посмотреть вблизи на мудреца Мекл-

стон-мура. Завидев его, одна из них вскрикнула и закрыла лицо руками, как будто не ожидала возможности подобного уродства. Другая, стараясь скрыть свой ужас и посмеиваясь истерически, спросила карлика, не согласится ли он предсказать им их судьбу. Третья, которая была гораздо лучше одета, несравненно красивее остальных, да и лошадь под ней была породистее, выехала вперед, как бы желая поправить неделикатную выходку своих подруг.

– Мы сбились с дороги через болото и отстали от наших спутников, – сказала эта девушка, – но, увидев, что вы сидите у дверей вашего дома, дедушка, мы подъехали спросить...

– Перестаньте! – перебил ее карлик. – Как вы молоды и какая уже мастерица лгать! Вы сами знаете, зачем вы сюда заехали: затем, чтобы противопоставить свою молодость, богатство и красоту моей старости, бедности и безобразию и насладиться этим. Занятие, вполне достойное дочери вашего отца, но – ах! – как оно не пристало дочери вашей матери!

– Стало быть, вы знаете моих родителей и знаете, кто я?

– Знаю. В первый раз вижу вас наяву, но часто видел во сне.

– Во сне?

– Да, Изабелла Вэр, только во сне. Что же может быть общего между тобой или твоим семейством и моими мыслями наяву?

– Ваши мысли наяву, сэр, – подхватила одна из подруг Изабеллы Вэр с напускной важностью, – вероятно, заняты

какой-нибудь премудростью, а глупости могут посещать вас только во сне.

– А вот твоими мыслями глупость владеет всецело и во сне и наяву! – возразил карлик с запальчивостью, которой трудно было ожидать от философа и отшельника.

– Господи помилуй, – воскликнула веселая девица, – должно быть, он и в самом деле всеведущий пророк!

– Это так же верно, как то, что ты женщина, – продолжал отшельник, – женщина... то есть барышня, модная барышня. Вы просили погадать, какая будет ваша судьба? Это очень легко предсказать: всю жизнь вы будете гоняться за вздором, которого не стоит ловить, и каждый раз, как поймаете, бросите. От первого младенчества до глубокой старости будет все то же: в детстве – игрушки и веселье, в молодости – любовь со всеми ее дурачествами, в старости – вист или бостон, иных интересов у вас не будет... Цветы и бабочки весной, бабочки и чертополох летом, блеклые листья осенью и зимой. Все в свое время, за всем поочередно будете гоняться, ловить и бросать. Отойдите прочь – ваша судьба предсказана!

– Стало быть, не только гоняться, но и ловить! – со смехом повторила шалунья, пришедшаяся кузиной Изабелле Вэр. – Слышишь, Нэнси, – продолжала она, обращаясь к трусихе, прежде всех увидавшей карлика, – это все-таки что-нибудь да значит. А ты будешь пытаться свою судьбу?

– Ни за что на свете, – сказала та, пятясь назад, – с меня

довольно и того, что я слышала о тебе.

– Ну так я заплачу ему за предсказание, – сказала мисс Илдертон, подавая карлику деньги, – ведь принцессы всегда награждали прорицателей.

– Правды нельзя ни купить, ни продать, – молвил предсказатель, с суровым презрением отстраняя предлагаемую награду.

– Хорошо, – сказала молодая девушка, – эти деньги я приберегу, мистер Элшендер, они мне пригодятся для той гонки, в которой я буду проводить жизнь.

– Еще бы негодились, – сказал циник, – без них немногие добиваются успеха, да и за вами при деньгах охотнее будут гоняться... Постой, – обратился он к Изабелле Вэр, между тем как ее подруги отъезжали прочь, – с тобой я еще поговорю. У тебя есть все, к чему стремятся твои спутницы, все, чем они желали бы блистать: красота, богатство, положение, таланты...

– Простите, что я последую за моими подругами, дедушка. Уверяю вас, что лесть мне неприятна, а гадать о своей судьбе я не желаю.

– погоди, – продолжал карлик, ухватив ее лошадь под уздцы, – я не простой гадальщик и не льстец. Все упомянутые блага, все – и каждое из них – сопровождаются соответственными бедствиями: несчастная любовь, помехи в привязанностях, мрачная келья монастыря или ненавистный брак... Я, желающий зла всему роду человеческому, не нахожу, че-

го бы еще пожелать тебе, так твоя жизнь и без того полна несчастьями!

– Коли так, дедушка, дайте же мне наилучшее утешение в горе, пока еще в моей власти делать добро. Вы старый человек, вы бедны; если вас постигнет болезнь или нужда, вы слишком далеко живете от людской помощи; ваше положение таково, что возбуждает подозрительность простого народа, а он часто способен на самые грубые выходки. Дайте мне случай думать, что я могла бы облегчить судьбу хоть одного человеческого существа. Примите пособие, какое я могу дать вам, сделайте это ради меня, если не хотите для себя; я тогда, если действительно со мной случатся все те несчастья, которые вы предсказывали, – они очень вероятны! – буду, по крайней мере, знать, что недаром прошли мои лучшие годы.

Старик произнес прерывающимся голосом и как бы не обращаясь к своей собеседнице:

– Да, именно так должна ты думать... так должна говорить, если человеческие речи и мысли могут передаваться другому существу... Но нет! Это не то, не то... не может быть! Однако подожди здесь, не уезжай, пока я не ворочусь.

Он вошел в свой садик и принес оттуда полурасцветшую розу.

– Ты заставила меня прослезиться, а этого со мной не случилось уже многие годы! За такое доброе дело прими от меня этот знак моей признательности. Это самая обыкновен-

ная роза, но ты береги ее, не бросай. Когда настанет для тебя черный день, приходи ко мне: покажи мне эту розу или хоть один лепесток от нее, хотя бы он успел высохнуть так же, как мое сердце, и хотя бы ты застала меня в припадке злейшей ярости против ненавистного мне света. Этот цветок навевает на мою душу лучшие мысли и, может быть, внесет в твою жизнь лучшую долю. Но никого не посылай ко мне! – воскликнул он вдруг, по обыкновению переходя в неожиданный порыв гнева. – Не нужно мне посланцев! Приходи сама, и то сердце и те двери, которые заперты от всех остальных существ, откроются для тебя и для твоих печалей. А теперь ступай!

Он выпустил поводья, и молодая девушка, поблагодарив его насколько сумела, уехала от этого странного человека, дивясь его загадочным речам. Она несколько раз оборачивалась и смотрела на карлика, а он все стоял у своей двери, глядя ей вслед, пока она ехала через болото, направляясь в замок Эллисло, поместье своего отца. Наконец она скрылась за холмом вместе со своими спутницами.

Девушки между тем смеялись и шутили с мисс Вэр над своим визитом к знаменитому знахарю и мудрецу Меклстон-мура.

– Изабелле постоянное счастье во всем, – говорила одна, – ее сокол заклевал самого крупного глухаря, ее глаза привлекают лучших кавалеров, в ее присутствии нам, бедным, нет никаких шансов на успехи в свете, даже колдун и

тот не устоял перед ее прелестями! Милая Изабелла, будьте великодушны, оставьте что-нибудь и на нашу долю или откройте лавочку и назначьте распродажу того, что вам самим не нужно.

– Сделайте одолжение, возьмите хоть все, – отвечала мисс Вэр, – и колдуна в придачу, – я вам дешево уступлю.

– Нет, колдуна следует уступить Нэнси, – сказала мисс Илдертон. – Для равновесия... знаете, она сама не мастерица очаровывать.

– Господи! – воскликнула младшая мисс Илдертон. – Что же я буду делать с таким чудищем, сестра? Я только раз на него взглянула и то зажмурилась. И, вообразите, хотя все время оставалась с закрытыми глазами, мне все казалось, что я его вижу.

– Жалко, – отозвалась ее старшая сестра. – Хорошо сделаешь, Нэнси, если при выборе поклонника нападешь на такого, недостатки которого не будут заметны, как только закроешь глаза. Ну что же, если тебе не нужно, я возьму его себе и поставлю в мамашину японскую шифоньерку. Надо же показать добрым людям, что Шотландия способна создавать из местного материала нечто в десять тысяч раз более безобразное, нежели могут выдумать фарфоровые фабриканты Пекина и Кантона, а уж они, кажется, довольно знамениты по части изобретения уродов!

– Положение этого бедняка до того печально, – сказала мисс Вэр, – что я не могу, как обыкновенно, смеяться вашим

шуткам, Люси. Если у него нет средств к жизни, как он будет существовать среди этого пустыря, так далеко от человеческих жилищ? А если он обладает хоть маленькими средствами, слух об этом может распространиться по соседству, тут водятся люди очень неблагонадежные, и его легко могут ограбить и убить!

– Но вы забываете, что он слывет знахарем и колдуном, – сказала Нэнси Илдертон.

– И если бы нечистая сила перестала помогать ему, – подхватила ее сестра, – он мог бы обойтись своими природными средствами: стоит ему высунуть в окно или показать в дверях свою громадную голову и сверхъестественную физиономию, и вряд ли найдется такой храбрый разбойник, чтобы выдержать это зрелище. Хотелось бы мне на полчаса иметь в своем распоряжении такое страшилище!

– Это для чего же, Люси? – спросила мисс Вэр.

– О, для того чтобы спугнуть и выжить из замка этого мрачного, чопорного, чинного сэра Фредерика Лэнгли, которого так необыкновенно любит ваш отец, а вы совсем не любите. Я готова на всю жизнь сохранить признательное чувство к колдуну за то, что мы отстали от нашей компании ради знакомства с ним и хоть на полчаса избавились от общества сэра Фредерика.

– А что бы вы сказали, – молвила мисс Вэр вполголоса, так чтобы младшая мисс Илдертон не расслышала ее слов (тропинка была так узка, что они не могли ехать все три ря-

дом), – что бы вы сказали, моя милая Люси, если бы вам предложили на всю жизнь не разлучаться с ним?

– Что бы я сказала? Конечно, нет, нет и нет, три раза кряду, и раз от разу все громче, так чтобы под конец меня слышно было в Карлайле.

– А сэр Фредерик сказал бы на это, что девятнадцать отрицаний равняются полусогласию.

– Ну, – возразила мисс Люси, – это зависит от того, каким тоном произнести «нет». Если бы мне пришлось это сделать, могу ручаться, что никаких признаков согласия никто бы не выследил в моем голосе.

– А если бы ваш отец, – продолжала мисс Вэр, – объявил вам: выходи за него, не то...

– Я бы предпочла всякое другое условие, будь он хоть самый жестокий из отцов, изображаемых в романах.

– А что, если бы он пригрозил отослать вас к тетке католичке, игуменье, которая засадила бы вас в монастырскую келью?

– А я бы ему пригрозила зятем протестантом, – отвечала мисс Илдертон, – и с радостью воспользовалась бы случаем оказать ему неповиновение, сославшись на вопросы совести. Нэнси нас не услышит, а потому позвольте вам откровенно выразить мое мнение: по-моему, и перед Богом, и перед людьми вы будете кругом правы, если всеми мерами воспротивитесь такому нелепому браку. Это человек гордый, надменный, мрачный, честолюбивый, бунтовщик про-

тив государственного порядка, знаменитый своей скаредностью и строгостью, дурной сын, дурной брат, злой обидчик всех родственников. Знаете, Изабелла, я бы лучше повесилась, чем вышла за него замуж.

– Смотрите, когда-нибудь не проговоритесь при моем отце, – сказала мисс Вэр. – Если бы он знал, что вы подаете мне такие советы, милая Люси, вам пришлось бы навек проститься с замком Эллисло.

– Вот уж простилась бы от всего сердца, – воскликнула ее подруга, – если бы только знала, что и вы оттуда ушли и приютились под покровительство человека, который был бы к вам добрее вашего естественного покровителя! О, если бы мой бедный отец был здоров по-прежнему, с какой радостью он приютил бы вас, пока не кончится это глупейшее и жестокое сватовство!

– Дай бог, чтобы это было так, милая Люси, – отвечала Изабелла, – но опасаясь, что при слабом здоровье вашего батюшки он теперь был бы не в состоянии защитить несчастную беглянку, а за мной, конечно, тотчас же прискакала бы погоня.

– Да, это очень вероятно, – сказала мисс Илдертон, – но мы еще подумаем, нельзя ли будет как-нибудь это устроить. В настоящее время ваш отец и его гости так заняты таинственными переговорами, столько они рассылают гонцов, получают писем, так часто появляются и опять исчезают какие-то новые лица, которых с нами не знакомят, а во всех

углах между тем происходит какая-то возня, собирают и чистят оружие, и все до одного мужчины в замке ходят такие озабоченные и мрачные, что, если бы дело дошло до крайности, и мы, со своей стороны, могли бы учинить свой маленький заговор. Авось джентльмены забрали себе не всю дипломатическую мудрость; а впрочем, есть один человек, которого бы я охотно призвала на совет в нашем деле.

– Это Нэнси?

– О нет! – сказала мисс Илдертон. – Нэнси – славная девочка, предобрая и к вам искренне привязана, но из нее вышла бы плохая заговорщица, вроде Ринальдо и прочих второстепенных лиц в поэме «Спасенная Венеция»^[21]. А тот, о ком я говорю, похож скорее на Джифара или на Пьетро, если этот герой вам больше нравится. И хотя я знаю, что угодила бы вам, а все-таки боюсь произнести его имя, чтобы в то же время не досадить. Неужели вы не догадываетесь? В этом имени есть и орел, и утес... только не на английском языке, а на шотландском⁴.

– Не может быть, чтобы вы намекали на Эрнсклифа, Люси! – сказала мисс Вэр, покраснев.

– А то на кого же еще? – возразила Люси. – Джифаров и Пьетро, я полагаю, немного водится в нашей стороне, а Ринальдо и Бедамаров – сколько угодно.

– Как можно болтать такие пустяки, Люси? Романы и комедии положительно вскружили вам голову. Разве вы не зна-

⁴ Эрнсклиф – в буквальном переводе: «Орлиный утес».

ете, что никогда я не выйду замуж без согласия моего отца, а в том случае, о котором вы упоминаете, о таком согласии не может быть и речи; кроме того, мы ровно ничего не знаем о намерениях самого молодого Эрнсклифа, помимо того, что вы себе воображаете, и притом вам известна роковая история фамильной распри!

– Это когда убили его отца? – сказала Люси. – Но ведь это случилось так давно! Надеюсь, что для нас миновали времена кровавых наследственных ссор, когда мщение передавалось из рода в род и два семейства враждовали без конца – как испанцы в шахматы играют – и в каждом поколении повторялись одно или два убийства, чтобы распря как-нибудь не позабылась. Нынче мы поступаем со своими распрями так же, как с платьями: сами их выкраиваем, сами изнашиваем и столь же мало помышляем о наследственном мщении, как и о том, чтобы донашивать старые камзолы и штаны наших предков.

– Вы слишком легко относитесь к этим вопросам, Люси, – заметила мисс Вэр.

– Нисколько, милая Изабелла, – отвечала Люси. – Подумайте, хотя ваш отец и присутствовал при этой несчастной стычке, но никто не думает обвинять его в нанесении смертельного удара; к тому же, в старину, когда дрались между собой целые кланы, брачные союзы между ними не только не считались невозможностью, но часто бывало, что залогом примирения служила именно рука сестры или дочери

начальника. Вот вы смеетесь над моим пристрастием к романам, а я могу вас уверить, что, если написать вашу историю, как были описаны судьбы многих героинь, гораздо менее вас того достойных и находившихся в менее бедственных обстоятельствах, благомыслящий читатель непременно заключил бы, что вы-то и есть предмет любви Эрнскифа, именно по той причине, которую вы считаете непреодолимым препятствием.

— Но мы живем не в романе, а в печальной действительности, ибо вот и замок Эллисло.

— А вон и сэр Фредерик Лэнгли стоит у ворот, намереваясь помогать дамам слезать с лошадей. Но, на мой вкус, приятнее дотронуться до лягушки, чем до него; погодите, я обману его ожидание и обращусь за этой услугой к вашему старому конюху, Хорсингтону.

С этими словами шалунья тронула свою лошадь хлыстом, проскакала мимо сэра Фредерика, собиравшегося подхватить ее коня под уздцы, и, мимоходом бесцеремонно кивнув ему головой, спрыгнула в объятия старого грума. Изабелла охотно последовала бы ее примеру, если бы смела; но отец ее стоял тут же, мрачное неудовольствие уже проглядывало на его лице, самой природой приспособленном к выражению грубых и суровых ощущений. Она не решилась прогневить его еще более и поневоле подчинилась постылым любезностям своего ненавистного поклонника.

Глава VI

*– Пусть же нас, ночных шатунов, не зовут
дневными грабителями; пускай лучшие величают
нас стражами Дианы, рыцарями тени, любимцами
луны...*

Шекспир. «Король Генрих IV»

После посещения молодых девушек отшельник провел остальной день в стенах своего садика. Под вечер он снова вышел посидеть на своем любимом камне. Багровое солнце садилось среди клубившихся облаков, обдавало пустырь зловещими лучами и окрашивало темно-пурпурным цветом широкую линию покрытых вереском гор, окаймлявших эту печальную местность. Карлик сидел, устремив взоры на тучи, тяжелыми грядами собиравшиеся на горизонте, и когда яркий луч солнца, прорвавшийся сквозь них, озарил красным светом его одинокую и безобразную фигуру, легко было принять его за демона собиравшейся бури или за гнома, вызванного из недр земли, чтобы возвестить близкую грозу. Пока он сидел таким образом, глядя на хмурое и почерневшее небо, на пустынном поле показался мчавшийся всадник и, поравнявшись с ним, остановил коня, как бы с тем, чтобы дать ему передохнуть, а сам поклонился отшельнику со смешанным выражением нахальства и смущения.

Всадник был высокого роста, худощав и строен, но кост-

лявая фигура его изобличала атлетическое телосложение; видно было, что он провел всю жизнь в сильных физических упражнениях, которые, мешая развитию толщины, укрепляют мышцы и способствуют увеличению телесной силы. Его лицо, с резкими чертами, загорелое, покрытое веснушками, носило отпечаток бурных страстей, бесстыдства и хитрости, попеременно преобладавших на нем. Волосы песочного цвета и рыжеватые брови, из-под которых выглядывали острые серые глаза, довершали неприглядную наружность этого человека. У его седла торчали пистолеты и еще пара засунута была за пояс, но эти он старался прикрыть камзолом, застегнутым на все пуговицы. На нем был заржавленный стальной шлем, кожаная куртка или, скорее, старинная накидка, перчатки, из которых одна, правая, была покрыта мелкими железными чешуйками вроде древних рыцарских поручней, а сбоку болтался длинный палаш.

– Ну вот, – молвил карлик, – значит, разбой и грабеж опять на коне?

– На коне? – повторил разбойник. – Да-да, Элши, кабы не ваше лекарское умение, не сидеть бы мне больше на моем добром скакуне.

– А что же твои клятвы исправиться, обещание переменить жизнь, данные во время болезни? Небось уж и забыл их? – продолжал Элшендер.

– Э-э, все в трубу выскочило вместе с декоктами и припарками, – отвечал беззастенчивый пациент, – сами знаете,

Элши, потому что ведь вы с ним, говорят, запанибрата.

Как черт захворал, так монахом стал,

А как выздоровел черт, так клобук и за борт.

– Правда! – молвил отшельник. – Как волка не отучить искать кровавой добычи и ворона не отвадить от падали, так и тебя не исправишь от твоих проклятых наклонностей!

– Что же прикажете делать, я с этим родился, такова моя натура. Знаете ли вы, что уж целых десять поколений все ребята из Уэстбернфлета были воры и разбойники? Все были пьяницы, все любили жить широко, за малейшую обиду отплачивали сторицей и ни у кого не просили жалованья!

– И отлично, – молвил карлик, – значит, и ты настоящий волк, не хуже тех, что лезят по ночам в овчарню. На какое же бесовское дело ты сегодня собрался?

– Коли вы колдун, то сами отгадайте.

– Я и так знаю, – сказал карлик, – что задумал ты пакость, сделаешь еще худшую пакость, а последствия будут и того хуже.

– А ведь за это вы меня и жалуете, дядя Элши? – сказал Уэстбернфлет. – Правда ведь? Вы всегда говорили, что это во мне и нравится вам.

– Мне всегда нравятся те, кто служит бичом для себе подобных, – отвечал отшельник, – а ты не только бич, но еще и кровь проливаешь.

– Нет, в этом неповинен, крови не проливаю, иначе как в случае сопротивления; ну, тут уж, сами знаете, поневоле ошети니шься. Да, впрочем, беда невелика, коли, например, отсечь гребешок какому-нибудь петушку, который вздумает чересчур громко петь и хорохориться.

– Как, например, Эрнсклиф? – сказал отшельник с некоторым волнением.

– Нет, на этот раз еще не Эрнсклиф, его очередь впереди. А я и до него доберусь, если он не уберется подобру-поздорову назад, в город... Ему самое место жить в городах! Чего он бродит тут да стреляет последнюю дичь, какая осталась у нас в краю?.. Да еще берется за прокурорскую должность и отписывает разным знатным особам в Эдинбург, что у нас в стране неспокойно! Нет, ему надо посоветовать, чтобы не совался не в свое дело.

– Так, может быть, ты надумал сегодня идти на Габби Эллиотта, в Хейфут? – сказал Элши. – Чем этот паренек провинился перед тобой?

– Не то чтобы особенно провинился, но я слышал, что он рассказывает, будто оттого меня не было на играх на масленице, что я побоялся его, а я оттого не пришел, чтобы не попасться на глаза объездному смотрителю, потому что в ту пору вышел приказ задержать меня и представить в тюрьму. А что до Габби, так я его ни крошечки не боюсь и готов постоять хоть против всего его клана. Но это пустяки, а я хочу хорошенько его проучить, чтобы зря не чесал язык

и не болтал бы о людях почище себя. Авось к завтрашнему утру выдерну ему самое заветное перышко из крыла... До свиданья, Элши! Там, под горой, поджидают меня кое-какие молодцы... На обратном пути опять заеду к вам и расскажу препотешную историю в благодарность за ваше лечение.

Прежде чем карлик успел собраться с мыслями для ответа, уэстбернфлетский разбойник вонзил шпоры в бока своей лошади. Испуганное животное, искоса поглядывая на один из камней, рассеянных вокруг, бросилось прочь с торной дороги. Но ездок шпорил его без всякого милосердия. Конь взвился на дыбы, метался, прыгал, как олень, вскидывал всеми четырьмя ногами, но напрасно: безжалостный всадник сидел так крепко, как будто составлял с ним одно нераздельное целое; словом, отчаянное сопротивление коня было непродолжительно, и ездок все-таки заставил его ехать по дороге, и притом с такой быстротой, что вскоре оба скрылись из вида.

– Вот негодяй! – воскликнул ему вслед карлик. – Хладнокровный, закоренелый, неумолимый злодей, и этот мерзавец, каждое помышление которого пропитано преступлениями, одарен такими нервами и мускулами, настолько ловок и силен, что может принудить благородное животное везти себя туда, где он намерен совершать свои пакости, а я... Будь я настолько малодушен, что пожелал бы предупредить его жертву об угрожающей ей опасности, спасти от гибели целую семью, я не мог бы этого сделать: все мои добрые наме-

рения должны разбиться о неодолимую преграду моей собственной немощи! Она приковывает меня к месту!.. Впрочем, к чему желать, чтобы это было иначе? Что за дело мне, с моим скрипучим совиным голосом, с моей безобразной фигурой и страшным лицом, что мне за дело до баловней природы? Разве я не знаю, что даже мои благодеяния принимаются с невольным ужасом и плохо скрываемым отвращением? С чего мне заботиться о племени, которое считает меня диковинным выродком, отверженным и сообразно этому поступает со мной?.. Нет, клянусь всей неблагодарностью, испытанной мной в жизни, всеми оскорблениями и несчастьями, какие я перенес, клянусь моей тюрьмой, моими узами и оковами: я не дам себе поддаваться одолевающим меня чувствам сострадания! Что за вздор, в самом деле, изменять моим правилам всякий раз, как людям вздумается вызывать к моей чувствительности! Раз никто мне не выказывает сочувствия – и я не обязан никому сочувствовать. Пусть же судьба гонит свою тяжкую колесницу, вооруженную смертоносными остриями, через трепещущую толпу поверженного ниц человечества! Неужели я буду такой глупец, что брошу и свое безобразное, старческое тело под ее колеса, чтобы этот карлик, это чудовище, этот горбун защитил своей персоной и спас от гибели какую-нибудь красивую женщину или статного молодца, а свет стал бы рукоплескать и кричать, что так и следовало? Нет, никогда!.. А между тем этот Эллиот... этот Габби... такой молодой, такой прямодушный, добрый...

Нет, не буду больше думать об этом. Ведь я не в силах помочь ему, если бы и захотел. А я решил... да, твердо решил, что и не стал бы помогать, хотя бы для этого стоило только пожелать, и он бы спасся. — С этими словами он встал и ушел в свою хижину.

Пора было искать защиты от быстро надвигавшейся бури: начинали падать крупные капли дождя, последние лучи солнца потухли окончательно, и вдали, в горах и лощинах, раза два или три прокатились раскаты грома, точно отголоски отдаленной битвы.

Глава VII

*Горделивая птица, собью тебе спесь!
Воротившись домой, что застанешь ты там?
Обгорелую землю на месте жилья,
Да услышишь тоскливый, среди пустыря,
Обезумевшей матки пронзительный крик;
Ищет корма она для голодных птенцов.*

Кэмпбел^[22]

Ночь была мрачная и бурная, но утро настало ясное, как бы освеженное проливным дождем. Даже Меклстон-мур, с его широким простором оголенных холмов и болотистых участков стоячей воды, словно улыбался навстречу сияющей синеве небес, подобно тому как радостное расположение духа придает иногда невыразимую прелесть самому некрасивому человеческому лицу. Вересковые заросли достигли полного развития своей густоты и обильного цветения. Пчелы, которыми отшельник в недавнее время пополнил свое хозяйственное обзаведение, предавались хлопотливой деятельности, и в воздухе гудело их приятное жужжанье. Когда старик вышел из хижины, обе его козы подошли и стали лизать ему руки в благодарность за зеленый корм, который он приносил им из своего сада.

– По крайней мере, хоть вы, – сказал он, – не разбираете

различий в наружности человека, и ваша признательность не меняется оттого, что вам благодетельствует урод. Пожалуй, вы остались бы равнодушны, а может быть, испугались, если бы вместо безобразного старика, к которому вы привыкли, появился перед вами красивейший человек, стройный, как изящная статуя... Пока я жил в мире, видал ли я когда изъятие такой искренней благодарности? Нет, слуги, выросшие у меня в доме, гримасничали, стоя за моим креслом; товарищ, с которым я делил свое богатство и ради которого даже запятнал... — Он оборвал свою речь, и судорожный трепет пробежал по его членам. — Даже он счел, что меня приличнее держать в доме умалишенных, подвергать тем же позорным притеснениям, тем же жестоким лишениям, лишь бы не допускать в общество остальных людей. Один Губерт... но придет время, когда и Губерт от меня отступится... Все на один покрой... все погрязли в пороках, в эгоизме, в неблагодарности... все негодяи... грешат, даже когда Богу молятся. Они до того зачерствели, что даже не умеют от души поблагодарить Бога за чистый воздух и жаркое солнце!

Бормоча такие мрачные фразы, он услышал по ту сторону своей ограды лошадиный топот и басистый мужской голос, который звонко и оживленно распевал самым веселым тоном:

Габби Эллиот, Габби милый мой,
На край света я убегу с тобой!

В ту же минуту большая гончая собака перепрыгнула через стенку. Всем охотникам тамошних диких пустынь давно известно, что общий вид и запах козы до такой степени похож на ту дичь, которую они обыкновенно выслеживают, что даже собаки, наилучшим образом дрессированные, по ошибке часто бросаются на коз. Так и эта гончая мигом напала на одну из коз, принадлежавших отшельнику, и задушила ее; а Габби Эллиот, подъехавший следом, соскочил с лошади и, невзирая на все усилия, не мог освободить невинную тварь от клыков своей собаки. Карлик несколько секунд смотрел на судорожные вздрагивания своей издыхающей любимицы, покуда бедная коза не вытянулась в предсмертной агонии. Тогда на него нашел припадок безумной ярости; он выхватил из-под полы своего кафтана длинный, острый нож или что-то вроде кинжала и хотел швырнуть им в собаку; но Габби, угадав его намерение, бросился вперед и, крепко удержав его за руку, воскликнул:

— Ну, оставь ее, оставь собаку! Нет-нет, хоть и надо ее проучить, а только другим манером!

Бешенство карлика обратилось против молодого фермера: внезапным движением он вырвал у него свою руку с такой силой, которой Габби никак не ожидал от него, и направил кинжал к его груди. Все это совершилось в одно мгновение, и обезумевший карлик имел полную возможность завершить свое мщение, вонзив нож в сердце Эллиота; но вдруг в нем

самом произошло нечто такое, что заставило его воздержаться от удара и откинуть кинжал далеко в сторону.

– Нет! – воскликнул он, сам себя лишив таким образом средства к удовлетворению своей ярости. – Это больше не повторится... не повторится!

Габби отступил шага на два, и лицо его выразило удивление и некоторое брезгливое неудовольствие оттого, что он подвергался такой серьезной опасности со стороны существа, с его точки зрения презренного.

– Черт его дери, какой сильный да злой, – проворчал Габби и вслед за тем стал извиняться в том происшествии, которое породило их ссору. – Я ведь не говорю, что моя собака совсем не виновата, и, право же, не меньше вашего сожалею, что вышел такой случай; и вот что, Элши, мы поправим это дело тем, что я вам пришлю еще пару коз да двух ярочек в придачу. Вы человек разумный и потому, верно, не станете сердиться на бессловесную тварь; ведь коза-то приходится сродни оленю, стало быть, моя собака поступила согласно своей природе. Будь тут вместо козы любимая овечка, тогда другое дело, я бы и говорить не стал. А вы напрасно не держите овец, Элши, как же можно уберечь коз в таком месте, где то и дело пробегают охотничьи борзые и гончие... Ну, да я вам пришлю и коз и овец!

– Негодяй, – сказал отшельник, – твоя жестокая забава причиной, что погибло одно из двух существ, которые одни во всем мире смотрели на меня с любовью!

– Господи, Элши, – сказал Габби, – мне очень горько, что вам приходится так говорить, но, право, я тут ни при чем... хотя, правда, что мне бы следовало помнить про ваших коз и заранее придердержать собак на привязи. Мне бы легче было, кабы они затравили лучшего барана из моего стада. Ну, полно, позабудьте и простите! Мне досадно не меньше вашего... Но я, видите ли, женюсь на этих днях, так немудрено, что все остальное вылетело у меня из головы. А свадебный обед или, по крайней мере, изрядную часть провизии для него мои братья везут на санях окольным путем, через Верховую тропинку! Трех добрых оленей везут, «таких не видно с давних пор среди родимых наших гор», как говорится в песне. Потому и везут окольным путем, что низовыми дорогами слишком вязко, не провезешь... Я бы вам прислал кусок дичины, да вы, может быть, побрезгуете принять, потому что вот этот самый пес и затравил всех трех оленей.

Покуда добродушный охотник произносил эту длинную речь, стараясь всеми мерами успокоить и задобрить карлика, тот сидел, уставившись глазами в землю, погруженный в глубокое раздумье; но тут он вдруг поднял голову и заговорил:

– Согласно природе?.. Да, и в самом деле таков обычный ход событий в природе. Сильный хватает и душит слабого, богатый притесняет и обирает бедного, счастливый... то есть тот, кто по своей глупости считает себя счастливым, издевается над печалью и отнимает последнюю отраду у несчастного. Ступай прочь, ты, принесший еще одно лишнее горе зло-

получнейшему из людей... Ты лишил меня того, что я считал почти источником утешения. Ступай прочь и насладись тем счастьем, что ждет тебя дома!

– Постоите-ка, – сказал Габби, – я бы как-нибудь прихватил вас с собой, коли вы скажете, что вам было бы интересно побывать у нас на свадьбе в понедельник. Одних верховых Эллиотов будет до ста человек! Ничего подобного у нас не бывало со времен старого Мартина из Прекин-тауэра... Я, пожалуй, пришлю за вами санки, запряженные добрым пони...

– Это мне ты предлагаешь опять вмешиваться в толпу простых смертных? – сказал отшельник с отвращением.

– Не очень-то простых! – возразил Габби. – Мы, Эллиоты, хорошего, старинного рода.

– Прочь! Убирайся! – повторил карлик. – И пусть на тебя обрушится такая же печаль, какую ты мне причинил! Меня ты с собой не прихватишь, но не уйдешь от моих приспешников, Злобы и Горя. Они побывали у твоего порога, и посмотри, что они тебе приготовили!

– Ну вот, зачем же так говорить, – сказал Габби. – И то правда, Элши, что никто вас не считает добряком; однако вот что я вам скажу: вы сейчас пожелали, и даже прямо накликали беду на меня и на моих домашних, так если, боже сохрани, стрясется какая-нибудь напасть над Грейс, или над мной, или хотя бы что случится с этой бедной бессловесной тварью, если будет нам телесное повреждение, увечья

или убытки, я уж буду знать, кому я этим обязан, и небось не позабуду!

– Прочь отсюда! – воскликнул карлик. – Ступай домой! Поезжай к своему жилью и припомни меня, когда увидишь, что там случилось!

– Ладно-ладно, поеду, – молвил Габби, влезая на лошадь. – С этими калеками никогда не столкнешься: знай себе злятся целый век. Только и вы знайте, соседushка, что если с Грейс Армстронг не все благополучно, я вас в смоле сожгу; хотя бы пришлось все пять приходов обыскать, уж я отыщу бочку с дегтем!

С этими словами он уехал. Элши посмотрел ему вслед, усмехнулся гневно и презрительно, потом взял кирку и лопату и пошел рыть могилу для своей умершей любимицы.

Это печальное занятие было прервано тихим свистом и сдержанным возгласом:

– Эй... Элши... эй!

Карлик поднял голову и увидел уэстбернфлетского разбойника. Подобно убийце Банко^[23], его лицо было в крови, а шпоры и бока его взмыленной лошади тоже были измараны кровью.

– Ну что, негодяй, – спросил карлик, – обделал свои дела?

– Еще бы не обделал! Все обошлось как не надо лучше, – отвечал злодей. – Уж когда я выехал со двора, моим недругам несдобровать. В Хейфуте сегодня света было много, а радости мало. Теперь там чисто, просторно, и небось все еще

воют и плачут по красавице невесте.

– По невесте?

– Как же! Чарли Висельник, как мы его прозвали, то есть Чарли Фостер, из Тиннингбека, обещал поддержать ее в Камберленде, покуда суматоха не уляжется. Она видела меня и узнала, потому что маска на минуту свалилась у меня с лица; я сообразил тогда, что для меня может выйти очень опасная штука, в случае если эта девушка когда-нибудь снова попадет сюда. Этих Эллиотов у нас в краю тьма-тьмушая, и все друг за друга горой стоят. Так вот я и приехал к вам, чтобы посоветоваться, как бы от нее отделаться попрочнее.

– Стало быть, думаешь ее убить?

– Гм... нет! Нет, я бы охотно избежал этого, если можно. Но я слышал, что если умненько пробраться в один из портовых городов, то там можно сбыть такой товар на продажу на заморские плантации, а за хорошеньких девушек даже и очень хорошую цену дают. Там, за морем, вишь, больно нуждаются в этом бабье, а у нас его и так довольно. Но для этой девочки я хочу устроить что-нибудь получше. Есть тут одна барышня, которую на днях насильно ушлют за границу, если только она не перестанет упрямиться и не станет покорным дитяткой; вот я и думаю приставить к ней Грейс вместо горничной, – она славная девочка. И веселое же времечко переживет Габби, когда воротится домой и увидит, что ни невесты, ни добра больше нет!

– А тебе не жалко его? – сказал отшельник.

– А как вы думаете, пожалел бы он меня, кабы видел, как я поднимаюсь на Замковый холм в Джеддарте?⁵ Вот девочку мне немножко жалко, а он другую найдет, ему и горя мало: что одна, что другая, не все ли равно?.. Ну-ка, вы такой охотник до молодецких потех, слышали ли вы когда о чем-нибудь лучше нашей сегодняшней проделки?

– И воздух, и океан, и пламя, – произнес карлик, рассуждая сам с собой, – землетрясение, бури, огнедышащие вулканы – ничто в сравнении с человеческой злобой. И что такое этот человек, как не существо, изошренное в искусстве достигать своих целей?.. Слушай, подлец: съезди опять туда же, куда я тебя посылал в прошлый раз.

– Это к управляющему?

– Ну да, и скажи ему, что Элшендер-отшельник приказал выдать тебе золота. Но слушай: пусть девушка будет отпущена на свободу и без всякой обиды; возврати ее родственникам, только возьми с нее клятву не выдавать тебя.

– Клятву? – сказал Уэстбернфлет. – А что, если она не сдержит слова? Женщины не очень благонадежны по этой части. Вы умный человек, сами небось знаете... А что до того, чтобы без обиды... Кто же может поручиться за разные случайности, раз она пробудет некоторое время в Тиннингбеке? Чарли Висельник довольно беспардонный парень! А впрочем, коли отсчитаете золотом монеток двадцать, я думаю, можно бы поручиться, что через сутки она будет до-

⁵ Место казни под Эдинбургом. – *Примеч. авт.*

ставлена своим родственникам.

Карлик достал из кармана записную книжку, написал несколько слов, вырвал эту страницу и подал ее разбойнику.

— Вот тебе, — сказал он, — но помни, ты знаешь, что обмануть меня нельзя; если ты осмелишься поступить не так, как я приказал, ты мне ответишь за это собственной головой!

— Знаю, — сказал разбойник, потупляя глаза, — знаю, что вы человек властный и большую силу имеете на земле, хоть и не знаю, откуда берется ваше могущество; вы делаете много такого, чего никто другой не может: и от болезней пользуете, и вперед видите будущее; по вашему слову и золото сыпется так густо, как осенние листья падают с ясеня в морозное утро. Я вас не ослушаюсь.

— Так ступай же прочь отсюда: мне ненавистно твое присутствие!

Разбойник пришпорил коня и уехал, не проронив больше ни слова.

Тем временем Габби Эллиот быстро продолжал путь, мучимый неопределенным и тяжелым опасением, все ли дома благополучно, и той тревогой, которую люди зовут обыкновенно предчувствием беды. Не доехав до вершины холма, откуда видна была его усадьба, он встретил свою кормилицу, особу в то время важную и почетную во всяком шотландском семействе как в высшем, так и в среднем сословии. Связь кормилицы с питомцем считалась столь близкой и дорогой, что никогда не разрывалась, и с течением времени случалось

обыкновенно так, что кормилица окончательно поселялась в семействе своего питомца, помогала в хозяйстве и пользовалась знаками уважения и доверия со стороны старших в доме. Как только Габби завидел издали фигуру Эннепл и узнал ее по красной накидке и черному чепцу, он невольно проворчал про себя:

– Вот не к добру моя старуха ушла так далеко от дома! Что бы это могло значить? Обыкновенно она ни за что не отходит от порога и на ружейный выстрел. Э, да она, наверное, отправилась на болото за клюквой, или за брусникой, или за другой какой штукой в этом роде, потому что ей понадобится много ягод на пироги и лепешки к понедельнику... А я все не могу позабыть тех слов, что накаркал мне старый чертов козел, этот проклятый карлик. Всякая безделица меня пугает, того и гляди, услышу что-нибудь недоброе. Ох, борзая, наделала ты мне хлопот! Мало ли дичи и коз в нашем краю, так надо же тебе было загубить именно его скотину!

Между тем Эннепл, с самым трагическим выражением лица, прихрамывая, подошла и ухватила за поводья его лошади. В ее глазах было такое глубокое отчаяние, что у него от ужаса язык отнялся и он не мог даже спросить, что случилось.

– О, мое дитятко! – завопила она. – Не езд дальше, не езд! Такое зрелище хоть кого может уморить, а уж тебя и подавно!

– Господи помилуй, что такое? – еле вымолвил изумлен-

ный всадник, пытаясь вытащить повод из рук старухи. – Ради бога,пусти меня, я хочу знать, что там такое!

– Ох!.. Вот до чего я дожила, старая!.. Дом-то разорили, и добрые амбары с хлебом огнем пожгли, а остальное добро увезли! Не ходи туда, не надо! Надорвется твое молодое сердечко, дитя мое, когда увидишь то, что мои старые глаза видели нынче утром!

– Но кто же смел все это сделать? Пустиповодья, Эннепл,пусти... Где бабушка и сестры?.. Где Грейс Армстронг?.. Боже мой, предсказания колдуна все еще отдаются в моих ушах!

Видя, что иначе не избавится от помехи, он спрыгнул с лошади, бегом побегал в гору и вскоре, достигнув вершины, увидел то самое, чем страшала его кормилица.

Зрелище было поистине душераздирающее. Усадьба, которую он оставил в ее уютном уголке, на берегу горного ручья, окруженную всеми признаками сельского довольства, в настоящую минуту представляла собой голую и почерневшую развалину. Из-за обрушенных и обугленных стен все еще клубился дым; запасы торфяного топлива, овины, гумна с хлебом, хлевы, наполненные скотом, словом, все богатство тогдашнего зажиточного фермера, каким с полным правом считал себя бедный Эллиот, погибло, было уничтожено дотла или разграблено в одну ночь. С минуту он стоял, ошеломленный, потом воскликнул:

– Разорили! Ограбили дочиста!.. Но черт с ним, с нажи-

тым добром, жалко только, что за неделю до свадьбы все пропало!.. Но я не малое дитя, чтобы сидеть сложа руки и выть об этом. Лишь бы найти Грейс, бабушку и сестер в добром здоровье! Что ж такого! Можно пойти воевать во Фландрию, как дедушка ходил со старым Боклю, под знаменами Беллендена! Во всяком случае, не следует падать духом, не то они и вовсе повесят носы.

Габби бодро пошел под гору, решившись подавить собственное горе и принести утешение другим, хотя сам не ощущал ни малейшей отрады. Соседние фермеры, особенно его однофамильцы, были тут все в сборе. Молодые люди были вооружены и громко говорили об отмщении, хотя не знали, на кого обратить свой гнев; более пожилые хлопотали о подаче помощи обнищавшему семейству. Избушка кормилицы, стоявшая на берегу того же ручья, но на некотором расстоянии от дома, уцелела, и туда наскоро перевели старую бабушку и ее внучек, снабдив их кое-какими припасами от соседей, потому что из их собственного имущества почти ничего не могли спасти.

– Что же, господа, – воскликнул один молодой человек высокого роста, – неужто мы целый день будем тут стоять и любоваться на сожженные стены жилища нашего родственника? Разве каждый клуб этого дыма не ложится на нас позорным пятном? Сядем на коней, да и в погоню!.. У кого есть поблизости собака-ищейка?

– Ближе Эрнскифа ни у кого нет, – отозвался другой, –

а он уж с утра поскакал с шестью верховыми товарищами на поиски, надеялся выследить.

– Так поедem и мы за ними, а на пути поднимем других, соберем побольше народу и нагрянем на камберлендских разбойников! Все вали, жги, бей!.. Которые первые попадутся, те прежде и поплатятся.

– Цыц, придержите языки, неразумные ребята! – сказал один из стариков. – Вы сами не знаете, о чем толкуете! Возможное ли дело поднимать войну между только что замиренными областями?

– А вы зачем же прожужжали нам уши подвигами наших предков, – возразил юноша, – если нам следует смотреть сложа руки на то, как над головами наших друзей сжигают их дома, и не подавать им руку помощи? Отцы наши небось не так смотрели на такие дела!

– Да я не говорю, что не надо мстить обидчикам нашего Габби, бедняжки, я только хочу сказать, что нынче все надо делать по закону, Саймон, – отвечал осторожный старик.

– Да к тому же, – вмешался другой старик, – я не знаю, есть ли кто в живых, знающий, как следует по закону проделывать отмщение, когда переходишь границу. Тэм из Уитрама до тонкости знал это дело, но ведь он умер в ту морозную зиму.

– Да-да, – подхватил третий старик, – он участвовал в том великом сборе, которое преследовало добычу вплоть до Сирлуола: это было через год после битвы при Филипхоу.

– Постоите, – молвил еще один советчик, – я не понимаю, что за особые познания требуются в этом случае: просто насади кусок просмоленной пакли на копье, или на вилы, или на что другое, зажги ее, потруби в рог, кликни клич, да и валяй с богом в Англию, а там бери по закону свое добро, силой ли отнимай или просто отбирай у первого попавшегося англичанина, с тем только, чтобы не захватить ни на волос больше того, что было украдено. Это и есть старый пограничный закон, установленный в Дундриннене при Дугласе Черном^[24]. Чего еще сомневаться? Уж, кажется, это ясно как день!

– Так идем, ребята! – воскликнул Саймон. – Сядем на коней да прихватим с собой старого Кэдди, здешнего работника: он доподлинно знает, сколько было скота и сколько хлеба пропало. К ночи опять будут у Габби полные хлевы и полные житницы, а так как нельзя ему так скоро выстроить большого дома, мы по крайности сожжем какую-нибудь английскую усадьбу, чтобы сравнять ее с Хейфутом, это уж по справедливости и во всем свете так водится!

Такое ободрительное предложение было с восторгом принято наиболее юной частью собрания, но в ту же минуту между ними пронесся шепот:

– Габби идет, бедняга! Сам Габби... Ну, как он решит, так мы и сделаем.

Пострадавший фермер между тем спустился с холма и вошел в толпу, но от волнения не мог сказать ни слова и лишь

молча пожимал протянутые со всех сторон руки своих соседей и родных, также безмолвно выражавших ему свое сочувствие и дружбу. Наконец, пожав руку Саймона из Хэкторна, он произнес с усилием:

– Спасибо, Саймон, спасибо, соседи... Я знаю, что у вас на уме... Но они-то где же?.. Где мои... – Он запнулся, как бы опасаясь даже назвать предмет своей смертельной тревоги.

Повинуясь тому же чувству, родственники молча указали ему рукой на хижину, и Габби бросился туда с отчаянным видом человека, готового на всякие ужасы. Присутствующие провожали его глазами, выражая глубокое сочувствие и волнение.

– Ах, бедняга, бедняга! Ах, несчастный Габби!

– Сейчас узнает самую худшую беду!

– Надеюсь, что Эрнскиф отыщет какие-нибудь следы бедной девушки!

Таковы были восклицания в толпе; не успев выбрать себе настоящего вожака для руководства их действиями, они решились теперь подождать возвращения пострадавшего и подчиниться его велениям.

Встреча Габби и его семейства была в высшей степени трогательна. Сестры бросились ему на шею и чуть не задушили его ласками, как бы не давая ему оглядываться и заметить отсутствие особы, еще более любимой.

– Помоги тебе Боже, дитя мое! Он один может помочь там, где все земное рушится, как хрупкий посох!

Так приветствовала старушка своего несчастного внука. Он торопливо озирался по сторонам, держа за руки двух сестер, между тем как третья обнимала его за шею.

– Вас-то я вижу... дайте-ка я вас посчитаю... вот бабушка, Лили, Дженни, Анна... А где же... – Он запнулся и прибавил с усилием: – Где же Грейс? Неужто она и теперь будет от меня прятаться?... Совсем не время шутки шутить.

Вместо ответа сестры только и могли произнести:

– Ох, братец! Наша бедная Грейс!

Тогда бабушка встала, тихо отстранила от него плачущих сестер, подвела его к скамье, усадила и с тем трогательным спокойствием, которое дает лишь глубокая вера и которое, подобно маслу, пролитому на бурные волны, может смирить наиболее обостренную чувствительность, сказала:

– Дитяtko мое, когда твоего дедушку убили на войне и я осталась одна с шестью сиротами на руках, и почти хлеба не было прокормить их, да худая крыша над головой, и то у меня была сила, не своя, конечно, а свыше мне данная сила, сказать: да будет воля Божья! Дитя мое, сегодня ночью в наш мирный дом ворвались разбойники, с оружием и в масках, все обобрали, разграбили, уничтожили и увезли нашу дорогую Грейс. Помолись, чтобы Бог дал тебе силу сказать: да будет Его святая воля!

– Матушка, матушка, не заставляйте меня... не могу... не теперь!.. Я грешный человек, зачерствелой породы. В масках... вооруженные... И Грейс увезли! Подайте мне мою

саблю и отцовский ранец... Я хочу отомстить, хотя бы пришлось для этого спуститься в сам ад!

– О, дитя мое, милое дитя, переноси с терпением постигший тебя удар! Как знать, быть может, Господь еще и помилует нас. Молодой Эрнсклиф, дай ему Бог здоровья, пустился в погоню, с ним Дэви из Стенхауса и еще некоторые, кто первыми подросли. Я взмолилась к ним, чтобы бросили и дом и амбары, пускай горят, лишь бы скорее догнали злодеев и отняли у них Грейс. Не более как три часа прошло с той поры, как ее увезли, и Эрнсклиф со своими людьми бросился за реку. Благослови его Бог, вот настоящий Эрнсклиф, достойный сын своего отца и верный друг!

– Да, истинный друг, награди его Бог, – воскликнул Габби, – ну и мы вслед за ним поедem!

– О дитя мое, перед тем как уйдешь на опасное дело, дай мне услышать иную речь! Скажи: да будет Его святая воля!

– Не просите, матушка... не теперь.

Он бросился к двери, но, обернувшись, увидел бабушку, вся фигура которой выражала безысходное горе. Тогда он поспешно воротился, обнял ее и сказал:

– Да, матушка, я могу сказать: «Да будет воля Его», коли это может вас успокоить.

– Господь с тобой... Господь не покинет тебя, дорогое мое дитя! И дай бог, чтобы, воротившись к нам, ты имел причину возблагодарить Его!

– Прощайте, матушка! Прощайте, милые сестры! – вос-

кликнул Эллиот и выбежал вон из дома.

Глава VIII

*– Скорей, – воскликнул воеждь лихой, –
Садитесь на коня!
Кто нынче не пойдет за мной,
Тот недруг для меня!*

Из пограничной баллады

– Лошадь мне, лошадь и копье! – крикнул Габби, бросаясь в толпу своих родственников.

Многие с готовностью прыгнули в стремяна, и, пока Эллиот наскоро собирал оружие и сбрую, что было далеко не легким делом в такой суматохе, по всей долине разнеслись отголоски одобрения его пылких молодых товарищей.

– Так, так, Габби, – говорил Саймон из Хэкторна, – ты принялся за дело как следует! Пускай женщины сидят дома и воют, а мужчины должны оплачивать за нанесенную обиду; так и в Писании сказано...

– Придержи язык за зубами! – сурово оборвал его один из стариков. – Не перевирай Писания по-своему, ты сам не знаешь, о чем говоришь!

– Да есть ли какие-нибудь указания? Габби, нашел ли ты хоть следы?.. Ох, детки, куда вы так спешите! – сокрушался старый Дик из Дингла.

– Не в пору вы вздумали читать нам проповедь, – сказал

Саймон, – коли сами не в силах ничего сделать, так не мешайте хоть тем, кто может помочь делу!

– Тише, сэр! Кого же вы намерены карать, коли еще не знаете, кто вас обидел?

– А вы думаете, что мы не знаем дороги в Англию так же хорошо, как отцы наши знали? Все беды всегда идут из Англии, недаром сложена такая поговорка. Значит, туда и мы направимся, да так живо, как будто черт подгоняет нас к югу.

– По следам Эрнсклифа, где его лошади прошли, и мы туда же, через болото! – воскликнул один из Эллиотов.

– Его след я и по сухому мху узнаю, даром что в той стороне третьего дня была ярмарка, – сказал Хьюг, кузнец из Ринглборна, – потому что его лошадь всегда кована моими собственными руками.

– Выпускайте гончих, – кричал другой, – где собаки?

– Э, брат, теперь уж поздно: солнце давно взошло и роса вся высохла, стало быть, и следов не учуять.

Но Габби тотчас свистнул и созвал своих собак, которые тем временем бродили вокруг развалин бывшего жилища и жалобно завывали.

– Ну-ка, Килбек, – молвил Габби, – покажи сегодня свое умение!.. – И вдруг, точно его озарило какое-то воспоминание, он прибавил: – А ведь проклятый колдун намекал на что-то и об этом?.. Может быть, он про это что-нибудь да знает через тех ли мерзавцев, что по земле ходят, или через

бесов, что под землей... Погоди же, я от него добьюсь толку, хотя бы пришлось ножом вырезать из его безобразного нутра то, что мне нужно знать!

Он обратился к товарищам и поспешно раздал им указания:

– Вы четверо, с Саймоном во главе, поезжайте прямо в Грэймское ущелье: коли это были англичане, то непременно будут возвращаться этим путем. Остальные разделитесь по двое и по трое и рассыпьтесь по пустырю, а потом я к вам подъеду, и вы меня ждите у Сборного пруда. Если встретите моих братьев, скажите им, чтобы также ехали за вами и подождали меня. Бедные парни! И им будет немногим слаще моего... Они и не подозревают, в какое печальное жилище везут свою дичину! А сам я теперь поеду на Меклстон-мур.

– Будь я на вашем месте, – сказал Дик из Дингла, – я бы пошел посоветоваться с мудрым Элши. Он, коли захочет, все вам расскажет, что делается вокруг, потому что знает всю подноготную!

– Он мне скажет, – отвечал Габби, поспешно приводя в порядок свое оружие, – скажет все, что ему известно о том, что сделано этой ночью; а не то я буду знать, почему он не говорит.

– Только вы с ним обойдитесь поласковее, голубчик, обратитесь к нему как можно учтивее, Габби; такие, как он, не любят, чтобы им перечили. Им так часто приходится иметь дело со злыми духами и бесенятами, что от этого у них нрав

портится...

— Ну, уж предоставьте мне ладить с ним по-своему, — отвечал Габби, — у меня нынче таково на сердце, что, кажется, не только всякого колдуна в бараний рог согну, но и с самим чертом справлюсь!

Покончив со своими приготовлениями, он вскочил на лошадь и погнал ее рысью в гору.

Вскоре Эллиот взобрался на вершину холма, так же быстро спустился с противоположного склона, проехал через лес, миновал длинную лощину и, наконец, достиг Меклстон-мура.

Так как ввиду предстоявшего путешествия приходилось побережь силы коня, он придержал его немного и, стало быть, мог на досуге обдумать, как лучше подступиться к карлику и выведать у него все, что, вероятно, было ему известно насчет личности тех, кто был причиной его несчастий. Габби, при всем своем прямотушии, откровенности речей и пылкости нрава, был, однако, не лишен хитрости, которая также составляет основную черту характера его земляков.

Судя по всему, что он подметил в памятный вечер своего первоначального знакомства с карликом, и по тому, как вел себя впоследствии этот таинственный знахарь, молодой человек справедливо предполагал, что бранью и угрозами ничего от него не добьешься, и тот только пуще упрется в своем суровом молчании.

«Я заговорю с ним поласковее, — думал Габби, — как сове-

товал старый Дик. Хотя люди и толкуют, будто он связался с нечистым, однако не такой же он сатана, в самом деле, чтобы не сжалиться над человеком в моем положении. И все-таки, говорят, случается, что он делает добро, оказывает настоящие благодеяния. Попробую укротить свое сердце, насколько могу, и поглажу его вдоль шерстки. Ну а коли совсем ничего не удастся, сверну ему шею, и дело с концом!»

В таком мягком настроении подъехал он к хижине отшельника.

Старика было не видно на обычном его месте на камне, ни в саду, ни на дворике за оградой.

– Залез в самое логово, – проворчал про себя Габби, – значит, не хочет попадаться на глаза; надо как-нибудь ему голос подать, коли нельзя иначе.

Сообразив обстоятельства, он возвысил голос и, придав ему самое умоляющее выражение, какое было возможно при обуревавших его гневных чувствах, начал так:

– Элши, мой добрый друг!

Ответа не было.

– Элши, мудрый Элши, батюшка ты мой!

Карлик не откликнулся.

– Ах ты, чтоб тебя немочь скрючила! – пробормотал фермер сквозь зубы и продолжал опять как можно умильнее: – Добрый дедушка Элши, самый несчастный человек пришел попросить совета от вашего ума-разума!

– Тем лучше, – слышался пронзительный голос карли-

ка, проходивший через крохотное окошечко рядом с дверью, более похожее на щель. Через это отверстие он имел возможность видеть всякого проходящего, а его самого при этом нельзя было рассмотреть.

— Лучше? — подхватил Габби нетерпеливо. — Чем же лучше-то, Элши? Разве вы не слышали, что я несчастнейший человек в мире?

— А ты разве не слышишь, что я говорю — тем лучше! А сегодня поутру, когда ты хвастался своим благополучием, разве я тебе не предсказывал, что вечером будет худо?

— Это так, вы точно предсказали, — отвечал Габби, — вот потому я и пришел к вам за советом: кто наперед знает про беду, тот может знать и то, как ее поправить.

— Я не знаю лекарства против земных бедствий, — отвечал карлик, — а если бы и знал, зачем я стану помогать другим, тогда как мне никто не помогает? Не я ли утратил богатство, на которое сто раз мог купить все твои голые пригорки?.. И положение в свете, в сравнении с которым твое положение немногим выше простого крестьянина?.. И общество, где постоянно вращался в самой изящной, в самой умственно развитой среде? Не я ли всего этого лишился? И вместо того не я ли живу как самый отверженный из людей, среди глухого пустыря, один-одинехонек, и сам еще безобразнее того, что меня окружает? И ко мне же приходят жаловаться на судьбу какие-то презренные черви, почуявшие, что на них наступили, а я уж давно валяюсь на дороге, потому что весь изломан,

исковеркан тяжкими колесами роковой колесницы!

– Может статься, что вы и вправду все такое потеряли, – отвечал Габби с горьким волнением, – лишились земель и друзей, именья и добра; положим, что так, но не может быть, чтобы у вас на сердце было так же тяжело, как у меня, потому что вы не лишались Грейс Армстронг. А я теперь и последнюю надежду потерял, и никогда больше ее не увижу!

Эти слова он произнес с глубоким чувством, и затем наступило продолжительное молчание, потому что, выговорив имя своей невесты, бедный Габби вдруг затих, и бурное настроение его сменилось щемящей тоской. Через несколько минут такого безмолвия в окошко просунулась костлявая рука отшельника, и его длинные пальцы выбросили наружу кожаный мешок, который со звоном треснулся о землю. В то же мгновение скрипучий голос старика сказал Эллиоту:

– Вот тебе; это снадобье лечит от всех человеческих горестей, – так, по крайней мере, думают все на свете людишки. Ступай. Воротишься домой вдвое богаче того, чем был вчера; только не приставай ко мне больше ни с вопросами, ни с жалобами, ни с благодарностью; все это мне одинаково противно.

– Ведь это золото, ей-богу! – сказал Эллиот, заглянув в мешок, и, обратившись снова к пустыннику, прибавил: – Премного вам благодарен за доброе расположение и с охотой выдал бы вам расписку в получении этих денег или хоть закладную на поемные луга. Но... право, не знаю, Элши, откровен-

но говоря, не хочется мне брать денег, не зная, какими судьбами вы их добываете... А ну, как я кому-нибудь стану платить ими, а они вдруг превратятся в черепки... За что же обманывать бедного человека?

– Бессмысленный невежда, – возразил карлик, – эта дрянь есть самый неподдельный яд, когда-либо вырытый из недр земли. Возьми его, трать, и пусть он принесет тебе столько же пользы, как и мне!

– Я же вам говорю, что не об имуществе пришел с вами посоветоваться, – сказал Эллиот, – правда, славное было у меня гумно, и амбары, и тридцать голов такого скота, что лучше и не сыщешь по эту сторону границы; но это все ничего, пускай пропадает... лишь бы вы мне указали какие-нибудь следы бедной Грейс, я бы всю жизнь готов вам служить, всем для вас пожертвую, кроме спасения души. О Элши, говорите же, скажите хоть слово!

– Ну, хорошо, – отвечал карлик, как бы желая отвязаться от него, – коли мало тебе своих печалей и непременно хочешь навязать себе еще жену, ищи ее на западе.

– На западе? Да ведь запад-то широкое слово.

– Оно последнее, – сказал карлик, – больше я тебе ничего не скажу.

С этими словами он задвинул окно ставнем и предоставил Габби пользоваться данным указанием как сам знает.

«На западе... На западе? – думал Эллиот. – С той стороны в краю довольно спокойно. Вот разве Джон из Тодхолса? Да

нет, он так стар, что уж давно не пускается на такие дела. Запад... Батюшки, да это, должно быть, Уэстбернфлет!»⁶

– Элши, скажите мне еще только одно, единое словечко. Угадал я или нет? Это Уэстбернфлет? Коли ошибаюсь, скажите нет. Я бы не желал нападать на неповинного соседа... Что же вы не отвечаете? Так, верно, он и есть, рыжий разбойник. Вот не думал я, что он пойдет против меня, зная, что у меня такая обширная родня... Должно быть, набрал себе шайку почище своих обычных камберлендских приятелей... Прощайте, Элши, премного вам благодарен! Я теперь этих денег с собой не возьму, потому что еду не домой, а на Сборный пруд к своим товарищам. Так если не хотите открыть окошка, после сами подберете мешок, когда я уеду.

Ответа не было.

– Либо оглох, либо одурел, либо то и другое вместе; но мне не время с ним теперь рассуждать!

С этими словами Габби Эллиот отъехал прочь и отправился к назначенному месту свидания.

Четверо или пятеро всадников уже были у Сборного пруда. Они спешили и, пустив коней пастись под тополями, окаймлявшими широкую гладь пруда, стояли на берегу и совещались между собой. С юга виднелась приближавшаяся партия всадников, более многочисленная. Оказалось, что это Эрнскиф со своими людьми; они прошли по следам угнанного скота вплоть до английской границы, но

⁶ West – запад (англ.).

воротились, потому что, по слухам, в той стороне собирались значительные военные силы под начальством якобитских джентльменов этого округа, и поговаривали, что в разных частях Шотландии вспыхнуло восстание. Это обстоятельство давало повод думать, что причиной учиненного нападения был не простой грабеж, как предполагали вначале. Эрнсклиф был склонен видеть в этом признак междоусобной войны. Молодой человек приветствовал Габби Эллиота выражениями самой искренней симпатии и сообщил ему собранные слухи.

– Так вот, не сойти мне с этого места, коли не старый Эллисло всему делу голова, – сказал Эллиот. – Недаром он друг и приятель с камберлендскими католиками; и это как раз сходится с тем, что Элши намекнул мне насчет Уэстбернфлета, потому что Эллисло всегда стоял за него горой, и ему нужно сперва ограбить и обезоружить всех соседей, чтобы потом самому безопасно выехать в ратное поле.

Тут иные припомнили, что в шайке разбойников некоторые кричали, будто действуют от имени короля Иакова Восьмого^[25] и будто им поручено обезоружить мятежников. Другие сами слышали, как Уэстбернфлет хвастал в кабаке, под пьяную руку, что вот скоро Эллисло с оружием в руках станет на сторону Иакова, и сам он будет командовать одним из отрядов под начальством Эллисло, и тогда плохо придется его соседу, Эрнсклифу, и всем вообще сторонникам теперешнего правительства. Из всего этого вывели заключе-

ние, что почти наверное Уэстбернфлет произвел нападение на ферму Габби по распоряжению Эллисло, и решили немедленно ехать к дому Уэстбернфлета и, если будет возможно, захватить его живьем. Между тем к месту сбирища подъехали с разных сторон еще несколько товарищей, и таким образом они очутились в количестве двадцати всадников, на надежных конях, и все были довольно хорошо, хотя и различно вооружены.

Горный ручей, выбегавший из узкой лощины, омывал плоскую равнину Уэстбернфлет, которая, расходясь на полимили во все стороны, давала название этому урочищу. В этом месте характер ручья совершенно меняется и, вместо быстрого и резвого потока, он возвращается в извилистое русло стоячей воды, которая тусклой голубой змейкой вьется по болотистой почве. На краю равнины высилась башня, одна из немногих твердынь, уцелевших от прежних укреплений, рассеянных по всей границе. Башня стояла на небольшом холме, не более сотни ярдов в поперечнике, который, слегка выступая из окружающего болота, представлял вокруг башни сухую площадку, поросшую дерном; но за пределами этой площадки грунт был топкий и для незнакомых с этой местностью даже очень опасный. Один лишь владелец этой башни и постоянные ее обитатели знали все сложные и запутанные подходы и тропинки, сравнительно твердые, по которым можно было пробраться к их жилью. Но среди отряда, бывшего под начальством Эрнскифа, двое или трое

были в состоянии служить проводниками. Ибо, хотя всем были известны нравы и привычки местного владельца, однако уважение к праву собственности было в те времена так мало развито, что на него вообще далеко не смотрели с тем отвращением, которое его образ жизни заслужил бы ему во всякой другой, более цивилизованной стране. Среди соседей, сравнительно мирных граждан, насчет его установились такие воззрения, какие в наши дни прилагаются к картежникам, охотникам до петушьих состязаний или до рысистых бегов, то есть, если и были причины избегать его общества, они считались недостаточными, чтобы заклеить его позором, тем более что в своих проделках он старался придерживаться буквы закона. В настоящем случае он возбудил общественное негодование не столько сущностью своего поступка, не выходявшего из разряда обыкновенных хищнических набегов, сколько тем, что напал на соседа, с которым не был в ссоре, притом на их личного приятеля, а главное – на члена фамилии Эллиотов, то есть того клана, к которому принадлежало большинство присутствующих.

Поэтому неудивительно, что некоторые из них были хорошо знакомы с местностью и могли с такой уверенностью провести отряд, что вскоре вся компания очутилась на твердой почве перед фасадом замка Уэстбернфлет.

Глава IX

*...И великан сказал: «Бери девицу
И сам уйди скорей подальше с ней!
Из-за ее блистательных очей,
И белых рук, и нежной щечки алой
С тобою мне тягаться не пристало».*

Старинная баллада

Башня, перед которой остановился отряд, была небольшая, квадратная, самого мрачного вида. Стены ее были чрезвычайно толсты, а окна или щели, заменявшие окна, казались проделанными скорее для пропуска метательных снарядов со стороны ее защитников, нежели ради доступа света и воздуха внутрь комнат. Вершина стены со всех сторон была обнесена бруствером, зубцы и углубления которого были как нельзя лучше приспособлены к целям защиты; по ту сторону бруствера поднималась крутая крыша, выстланная серым плитняком. В одном из углов возвышалась одинокая сторожевая башенка, с витой лестницей внутри, откуда был выход на крышу и на стены. Нашим всадникам показалось, что в этой башенке кто-то есть и что за ними наблюдают. Вскоре на этот счет не осталось никаких сомнений: в одно из узких отверстий просунулась женская рука, махавшая платком, как бы желавшая подать им знак или обратить на себя внимание.

Габби чуть не сошел с ума от радостного волнения.

– Это рука Грейс! – сказал он. – Я ее узнаю из тысячи! Другой такой руки нет и быть не может по эту сторону гор!.. Мы ее вызволим, братцы, хотя бы пришлось ради этого всю башню разобрать по камешку!

Эрнскиф усомнился, чтобы даже и глаз влюбленного мог на таком расстоянии различить одну девичью руку от другой; однако он не захотел разочаровывать своего восторженного друга и решил вызвать обитателей замка на объяснения.

Сначала они звали и кричали, потом стали трубить в рога, и наконец в одном из отверстий, сделанных рядом со входом, показалось изможденное лицо старухи.

– Это мать разбойника, – сказал один из Эллиотов. – Она вдесятеро хуже его самого, и говорят, будто она и подбивает его на всякие пакости.

– Кто вы такие? Чего вам нужно? – слышался голос этой почтенной родительницы.

– Мы хотим видеть Уильяма Грэма Уэстбернфлетского, – сказал Эрнскиф.

– Его дома нет, – объявила старуха.

– Когда он отлучился из дому? – спросил Эрнскиф.

– Не знаю, – отвечала привратница.

– Когда он воротится? – спросил Габби Эллиот.

– Ничего я об этом не ведаю, – сказала непреклонная старожиха.

– Есть в башне кто-нибудь, кроме вас? – спросил опять

Эрнскиф.

– Никого нет, только я да крысы, – сказала старуха.

– В таком случае отоприте дверь и впустите нас! – продолжал Эрнскиф. – Я мировой судья и произвожу следствие по уголовному делу.

– Отсохни рука у того, кто вам станет отпирать, – сказала старуха, – а мои руки этого не сделают. Постыдились бы лучше, экая ватага пришла, и все-то вы с саблями, копьями, и шлемы на головах стальные, знать, с тем и пришли, чтобы напугать одинокую вдовую женщину!

– Мы имеем верные сведения, – сказал Эрнскиф, – и разыскиваем имущество, разграбленное из дома частного лица, на значительную сумму.

– И еще одну молодую девушку, которую взяли в плен и утащили против ее воли, а она одна стоит вдвое дороже всего имущества, – прибавил Габби.

– Предупреждаю вас, – продолжал Эрнскиф, – что для вас одно средство доказать невинность вашего сына: впустить нас добровольно в дом для обыска.

– А что же вы сделаете, коли я ни ключей не дам, ни задвижек не сниму, ни решеток не отворю для такой шайки бездельников? – осведомилась почтенная дама презрительно.

– Коли не отворите добром, у нас найдутся и другие ключи, мы насильно ворвемся и свернем шею всякому, кого застанем в доме! – пригрозил Габби, начинавший приходить в ярость.

— Ну, кого больно страшали, тот дольше проживет! — отвечала ведьма тем же насмешливым тоном. — У меня дверь-то железная, попробуйте к ней приступиться, ребяташки, она не раз выдерживала осаду и почище этой.

С этими словами она рассмеялась и отошла от отдушины, через которую вела переговоры.

Осаждающие приступили к серьезному совещанию. Чрезвычайная толщина стен и малый размер окошек были таковы, что это здание могло бы устоять некоторое время даже и против пушечной стрельбы. Единственный вход в башню был защищен снаружи крепкой решетчатой дверью из кованого железа такой толщины, что прошибить ее не было ни малейшей надежды.

— Ее ни щипцами, ни молотом не возьмешь, — сказал Хьюг, кузнец из Ринглборна, — все равно что колотить по ней чубуком от трубки.

Внутри, на расстоянии девяти футов от этой первой двери (что доказывало, какова была толща стен), была другая дверь, дубовая, вся перекрещенная железными полосами и усеянная громадными гвоздями с широкими шляпками. Помимо этих средств к обороне наши приятели были далеко не уверены в том, что старуха сказала правду, говоря, будто она своей особой представляет весь гарнизон крепости. Знаток рассматривали на тропинке, по дороге к башне, явственные следы лошадиных копыт, что доказывало, что очень недавно сюда проехали несколько всадников.

Кроме того, затруднения увеличивались тем обстоятельством, что у них попросту не было никаких способов к атаке укрепления. Не предвиделось возможности достать лестниц достаточной длины, чтобы влезть на стены, а окна были не только слишком узки, но и защищены железными решетками.

Стало быть, проникнуть внутрь нельзя; подкопаться и взорвать – тоже нельзя, по недостатку орудий для подкопов и даже пороха. Блокировать башню было неудобно потому, что у осаждающих не было ни провианта, ни палаток и никаких средств к существованию в этой местности; к тому же можно было опасаться, что каждую минуту могли подоспеть на выручку товарищи разбойника. Габби без усталости ходил вокруг крепости, изыскивая способ проникнуть в нее, и скрежетал зубами от отчаяния, что ничего не мог придумать. Наконец он воскликнул:

– Что же тут раздумывать, братцы! Сделаем так, как делали наши праотцы: давайте нарубим бурьяна и кустов, подложим к двери да и зажжем. Пускай старая ведьма хоть дыму наглотается!

Все бросились исполнять его выдумку: одни пошли резать ножами и саблями кусты ольхи и боярышника, росшие по берегам сонливой речки и частью высохшие, так что они вполне годились для такого употребления; другие таскали их на место и складывали в большую кучу, стараясь подсовывать как можно ближе к железной двери. С помощью ружья ми-

гом добыли огня; Габби схватил пучок зажженного хвороста и пошел к приготовленному костру с намерением поджечь его, но в эту минуту в одном из окошек над дверью показалось угрюмое лицо разбойника и рядом с ним выставилось дуло мушкета.

– Премного вам благодарен, – сказал он насмешливо, – за то, что помогли наготовить топлива на зиму; но если кто из вас подступит ближе к этой куче, да еще с огнем, того я уложу на месте.

– Это мы увидим, – молвил Габби Эллиот, бесстрашно подходя со своим факелом.

Разбойник выстрелил в него, но, на счастье нашего честного приятеля, мушкет дал осечку; а между тем Эрнскиф воспользовался моментом, когда в узком отверстии показалось лицо разбойника, и так метко выстрелил, что пуля задела его голову. Рана была легкая, но Уэстбернфлет и того не ожидал, считая себя в полной безопасности за своими стенами.

Почувяв удар, он тотчас изъявил желание вести переговоры и спросил, на каком основании они вздумали нападать на мирного и честного гражданина и проливать его кровь.

– Мы требуем, чтобы вы выдали нам вашу пленницу, – отвечал Эрнскиф.

– А какое вам до нее дело? – осведомился негодяй.

– Этого, – сказал Эрнскиф, – вы не имеете права даже спрашивать, потому что держите ее насильно!

– Ну ладно, я и сам могу догадаться, зачем она вам понадобилась, – сказал разбойник. – Что же, господа, мне не хочется затевать с вами вековую ссору и проливать вашу кровь, даром что Эрнскиф со мной не поцеремонился, да и мастер же он целиться! Итак, во избежание дальнейшей распри я согласен выдать вам пленницу, раз вы непременно этого желаете.

– А имущество Габби Эллиота? – воскликнул Саймон из Хэкторна. – Не думаете ли вы, что вольны грабить хлевы и амбары родовитого Эллиота, словно это какой-нибудь бабий курятник?

– Клянусь вам насущным пропитанием, – отвечал Уильям Грэм, – вот не брать мне больше хлеба в рот, коли у меня осталась хоть единая скотина! Они уж давным-давно угнаны за болото, и в башне у меня ни одного копыта не осталось. Но вот что: я посмотрю, нельзя ли чего из этого добра получить обратно. Дня через два назначаю я Габби свидание в Кэстл-тоне; я захвачу с собой двоих свидетелей, и он пусть приведет своих двух приятелей. Тогда и сведем счеты, и пусть он выскажет, чем я его обидел!

– Ну, вот и отлично! – сказал Эллиот и, оборотившись к своему кузену Саймону, промолвил шепотом. – Бог с ним, с имуществом! Ради самого Бога, дружок, не поминай ты о моем добре. Пропадай оно совсем, лишь бы как-нибудь выцарапать бедняжку Грейс из когтей старой чертовки.

– Можете вы дать мне честное слово, Эрнскиф, – сказал

мародер, все еще стоявший у бойницы, – согласны вы поручиться мне своей совестью и честью, своей рукой и перчаткой, что никто не шелохнется, покуда я уйду и назад ворочусь, и вы дадите мне пять минут на отпирание двери и пять минут на запираение и закладку болтов? Меньшего никак нельзя, потому что они давненько не были смазаны. Можете поручиться?

– Мы дадим вам довольно времени, – отвечал Эрнскиф, – за то вам порукой моя честь и совесть, моя рука и перчатка!

– Ну, так сейчас, погодите, – сказал Уэстбернфлет, – а впрочем, еще вот что, отойдите-ка от двери на пистолетный выстрел. Вашему слову я верю, Эрнскиф, а так все-таки вернее будет.

«Ох, приятель, – думал про себя Габби, отходя подальше от дверей, – попадись ты мне на Турнирном лугу, да будь при мне пара свидетелей из порядочных людей, я тебя так угощу, что рад будешь хоть с переломанными ногами уйти, за то, что осмелился прикасаться к тому, что мне принадлежит!»

– А ведь он оказывается просто трусом, этот Уэстбернфлет, – сказал Саймон из Хэкборна, несколько разочарованный тем, что разбойник так скоро сдался, – он своему отцу и в подметки не годится.

Между тем внутренняя дверь из башни растворилась, и в сводчатом проходе между нею и наружной дверью показалась фигура старухи, матери разбойника. Потом вышел сам

Уилли, ведя за руку молодую женщину, а старуха тщательно заперла за ними дверь и сама осталась караулить ее в качестве неусыпного стража.

– Пусть двое из вас подойдут сюда, – сказал Уэстбернфлет, – и примут ее с рук на руки, в целости и добром здравии.

Габби с живостью бросился вперед навстречу своей суженой, а Эрнскиф потише последовал за ним, на всякий случай. Но вдруг Габби, с выражением глубочайшего огорчения, замедлил шаг, тогда как Эрнскиф, напротив, побежал скорее и на лице его отразилось нетерпеливое удивление.

Оказалось, что освобожденная ими пленница была совсем не Грейс Армстронг, а мисс Изабелла Вэр.

– Где же Грейс? Где Грейс Армстронг? – воскликнул Габби вне себя от досады и негодования.

– Она не в моих руках, – отвечал Уэстбернфлет, – коли не верите, позволяю вам обыскать башню.

– Подлый негодяй, ты мне ответишь за нее, или я убью тебя на месте! – сказал Эллиот, прицеливаясь из ружья.

Но подошедшие товарищи окружили его и отняли у него ружье, заговорив все разом:

– А как же рука и перчатка? Ведь на честь и совесть! Габби, погоди, стой! Мы обязаны сдержать свое слово, хотя бы Уэстбернфлет и оказался величайшим плутом.

Видя со всех сторон такую поддержку, разбойник снова принял самоуверенную осанку, которую было совсем поте-

ржал, когда Эллиот начал угрожать ему.

– Я свое слово сдержал, господа, – сказал он, – и надеюсь, что после этого никто из вас не поднимет на меня руки. Если это не та пленница, которую вы искали, – продолжал он, обращаясь к Эрнсклифу, – возвратите мне ее обратно. Я за нее отвечаю перед теми, кто имеет на нее права.

– Ради самого Бога, мистер Эрнсклиф, защитите меня! – сказала мисс Вэр, прильнув к своему избавителю. – Не покиньте меня хоть вы... а то все меня покинут!

– Не бойтесь ничего, – шепнул ей Эрнсклиф, – я буду вас защищать до последней капли крови! – Потом, обратясь к Уэстбернфлету, он сказал: – Негодяй, как ты осмелился оскорбить эту леди?

– На этот счет, Эрнсклиф, – отвечал мародер, – я буду отвечать перед теми, кто больше вашего имеет права задавать мне подобные вопросы; но раз вы явились с вооруженными силами и самовольно отнимаете ее у тех, кому она поручена своими родными, я желал бы знать, как вы за это ответите? Но это уж ваше дело... Не могу же я один защищаться против двадцати! Этого никто с меня и не потребует.

– Он лжет самым бессовестным образом, – сказала Изабелла, – он силой отнял меня у родного отца!

– А может быть, он нарочно подстроил, чтобы вы так думали, голубушка, – возразил разбойник, – но все равно, это меня не касается, и пусть будет по-вашему... Так не желаете отдавать мне ее обратно?

– Обратно, вам? Уж конечно, нет, – отвечал Эрнсклиф, – я беру мисс Вэр под свое покровительство и провожу ее в сохранности всюду, куда ей угодно.

– Ладно, ладно; может быть, вы с ней заранее сговорились на этот счет, – сказал Уилли Уэстбернфлет.

– А что же Грейс? – прервал его Габби, вырываясь из рук товарищей, которые все время тщетно ставили ему на вид нерушимость поручительства, на основании которого мародер решил выйти из своей башни. – Где Грейс? – крикнул опять Габби и, обнажив саблю, кинулся на Уэстбернфлета.

Испуганный разбойник закричал:

– Ради бога, Габби, сперва выслушайте меня! – И бросился бежать без оглядки.

Мать его держала дверь открытой и захлопнула ее в ту самую секунду, как ее сын вскочил в башню; но Габби преследовал его по пятам и с размаха с такой силой ударил саблей, что оставил порядочную щель на косяке, где она видна и поныне и служит очевидным доказательством того, какие водились силачи в старые годы. Прежде, нежели Габби успел повторить удар, дверь затворили и задвинули внутренними засовами; а спутники его собрались снять осаду уэстбернфлетской башни и потребовали, чтобы он непременно уехал вместе с ними.

– Вы и так уж нарушили законы перемирия, – сказал ему старый Дик из Дингла, – а потому мы должны присматривать за вами, чтобы не наделали еще каких-нибудь бед, а то вы

сами станете посмешищем всего округа, да и нас подведете под обвинение в измене. Подождите до тех пор, пока встретитесь с ним в Кэстлтоне; если там окажется, что он не хочет вас удовлетворить, ну, тогда мы повыжмем из него сок. Но теперь надо вести себя благоразумно и не нарушать договор, так будет вернее, и ручаюсь вам, что воротим и Грейс, и ковров, и все такое!

Злополучный жених с большим трудом подчинился таким хладнокровным увещаниям; но так как иначе не мог обеспечить себе содействия соседей и родных, то поневоле был вынужден согласиться с их доводами насчет святости круговой поруки и необходимости действовать по закону.

Между тем мисс Вэр настойчиво просила отвезти ее в отцовский замок Эллисло, и Эрнскиф, обратившись к товарищам, пригласил нескольких присоединиться к нему ради ее охраны. Пять или шесть молодых людей немедленно выразили готовность сопровождать ее, и они отправились. Но Габби не поехал с ними. Измученный событиями этого дня и в особенности последним разочарованием, он совсем упал духом и уныло направился домой, чтобы как-нибудь устроить и обеспечить свое семейство, а также и для того, чтобы условиться с соседями насчет дальнейших мер к отысканию Грейс Армстронг. Остальная компания разъехалась в разные стороны, как только все переправились через болото. Разбойник и мать его все время наблюдали за ними с вершины сторожевой башенки и смотрели до тех пор, пока последний

всадник не скрылся из вида.

Глава X

*Покинул я родной приют
В снегу холодном, в час ночной;
А возвращусь туда весной,
Как глянет солнца луч златой
И розы пышно расцветут.*

Старинная баллада

Взбешенный тем, что друзья, по его мнению, так хладнокровно отнеслись к вопросу, столь для него важному и близкому, Габби кое-как отвязался от всех и один поехал домой.

– А, чтоб тебя черт искалечил! – говорил он, гневно прищипывая свою утомленного и спотыкавшегося коня. – И ты туда же, вслед за другими! Стоило ли тебя поить и кормить, растить на своем дворе и холить собственными руками, чтобы ты тут-то и споткнулся и сломал мне шею, когда мне всего ту же приходится? Но и ты, видно, такой же, как все... Ведь вот все приятели, все родня... никак не дальше десятого колена... и я день и ночь, во всякое время, готов им служить, душу за них положу... А они... Да им, кажется, этот вор и мерзавец Уэстбернфлет милее меня! Что же это, однако, не видать огней в Хейфуте?.. Эх, горе мое! – продолжал он, спохватившись. – Теперь уж в Хейфуте не будут больше мелькать ни свечи, ни красные угли на очаге! Кабы не матушка,

да не сестры, да не бедная моя Грейс, дал бы я шпоры коню да с размаху и бухнулся бы в речку с головой! Тут бы и конец всему!

В таком безутешном настроении повернул он лошадь в сторону того коттеджа, где приютилась его семья.

Подъехав к двери, он услышал, что сестры шепчутся и пересмеиваются между собой.

– Черт их знает, этих женщин, – проворчал Габби, – они станут хихикать, болтать и судачить, хоть бы самый близкий человек лежал перед ними мертвый... А впрочем, я рад, что они не упали духом, бедные дурочки; и то сказать, им-то легче, нежели мне!

Раздумывая таким образом, он привязал лошадь под навесом и обратился к ней опять с такой речью:

– Обойдешься сегодня без попоны и без покрывки, бедная скотина; оба мы с тобой воротились домой ни с чем. Лучше бы нам вместе свалиться в омут под водопадом!

В эту минуту выбежала из коттеджа младшая из его сестер и натянутым голосом, как бы силясь подавить волнение, закричала ему:

– Габби, что ты валандаешься так долго? А у нас сидят гости из Камберленда, уже больше часу тебя дожидаются! Иди скорее в дом, я сама расседлаю лошадь.

– Из Камберленда! – воскликнул Эллиот и, бросив уздечку на руки сестре, ринулся к дому. – Где они? Где он? – спрашивал он, озираясь во все стороны и видя одних женщин. –

Не принес ли он известий о Грейс?

— Да он не захотел оставаться ни минуты дольше, тотчас и ушел, — отвечала старшая сестра, тоже едва удерживаясь от смеха.

— Ну, полноте, что за вздор, — молвила с добродушным упреком старушка бабушка, — перестаньте мучить бедного Габби... Оглянись, дитятко, посмотри, нет ли здесь кого-нибудь, кого утром тут не было?

Габби вертелся, оглядывался.

— Никого больше не вижу... только вы да эти три болтушки...

— Так ведь нас четыре стало, а не три, — сказала младшая сестра, вошедшая в эту минуту.

В одну секунду Габби схватил в объятия Грейс Армстронг, закутанную в плед одной из сестер, что и помешало ему узнать ее в первую минуту.

— Как же ты смела меня обманывать? — сказал Габби.

— Не моя вина, — сказала Грейс, пытаясь закрыть лицо руками, как для того, чтобы скрыть яркую краску, бросившуюся ей в лицо, так и в защиту бурных поцелуев, которыми жених осыпал ее в наказание за невинную уловку, — я не виновата, Габби; целуй лучше Дженни и остальных, потому что это они выдумали, а не я!

— Что ж, и их расцелую, и их! — сказал Габби и принялся обнимать то сестер, то бабушку, и вся семья от радости плакала и смеялась одновременно.

– Какой же я счастливый, – молвил Габби, падая наконец на стул от усталости, – счастливее меня теперь никого на свете нет!

– В таком случае, дорогое дитя мое, – сказала добрая старушка, не хотевшая пропустить случая преподать урок благочестия в такую минуту, когда все сердца были наиболее доступны подобным чувствам, – в таком случае, сын мой, возблагодари Того, Кто обращает слезы в улыбки, из горя делает радость, из тьмы извлекает свет и весь мир создал из ничтожества. Не говорила ли я тебе, что если ты скажешь: «Да будет Его святая воля!» – то, воротясь домой, будешь иметь причину благословлять имя Его?

– Правда, вы так именно и сказали, бабушка, – сказал честный парень, взяв ее руку, – и я благословляю Его имя за то, что Он сохранил мне вас после потери моих собственных родителей, а вы меня учите помнить Бога и прибегать к Нему и в горе и в радости!

Минуты две все молчали, мысленно вознося благодарение Всевышнему, и в сердечном чистом порыве славили имя Того, Кто так неожиданно возвратил в лоно семьи ту, которую они считали потерянной.

Габби начал с того, что потребовал отчета о приключениях, испытанных Грейс. Она рассказала ему все подробно, мы же ограничимся следующим кратким извлечением.

Грейс проснулась от шума, произведенного разбойниками, вломившимися в дом, и тем сопротивлением, которое

тщетно оказывали им двое слуг. Одевшись как можно поспешнее, она сбежала с лестницы, и, когда во время борьбы Уэстбернфлет на минуту обронил с лица свою маску, она его узнала, неосторожно окликнула по имени и обратилась к нему с мольбой о пощаде; тогда злодей заткнул ей рот, вытащил ее из дому и посадил на лошадь за спину одного из своих сообщников.

– Вот я ему сломаю проклятую шею, – сказал Габби, – хотя бы он был последний в роде, и не было бы на свете другого Грэма!

Продолжая свое повествование, Грейс сказала, что ее повезли к югу, вместе со всей шайкой и угнанным скотом, и что они успели уже перейти английскую границу, как вдруг их догнал скакавший во весь опор родственник Уэстбернфлета и сказал, что его кузен узнал из верного источника, что никакого толку из предприятия не выйдет, если девушку не возвратят немедленно ее родным. Некоторое время поспорили на этот счет, наконец начальник отряда согласился. Грейс посадили тогда за спину нового покровителя, и он помчался с ней что есть духу окольными путями и малоезженными тропинками по направлению к Хейфуту; под вечер он, не говоря ни слова, ссадил с коня на землю перепуганную и уставшую девушку за четверть мили от фермы, а сам ускорил обратно. Семья еще раз обменялась искренними и радостными поздравлениями с тем, что так благополучно кончились эти приключения.

Мало-помалу все успокоились, и на первый план выступили соображения менее приятного свойства.

– Плохое у вас тут помещение, – сказал Габби, оглянувшись кругом, – мне-то ничего, я могу переночевать рядом с лошадьё под навесом, как часто делывал на охоте в горах. Но как вы разместитесь, я ума не приложу! Хуже всего то, что помочь-то делу я не могу. Может случиться, что еще много дней пройдет, и все останется так, как есть, ни на волос не лучше.

– Ну, не подлость ли, – сказала одна из сестер, также озираясь вокруг, – так ограбить бедную семью, что едва остались одни голые стены!

– А на дворе ни телки, ни бычка, – молвил младший брат, только что вошедший в лачугу, – ни овцы, ни барана, некому даже травки пощипать.

– Хоть бы они с нами ссору затеяли! – сказал Гарри, средний из братьев. – Ну, что же, мы во всякое время готовы были подраться как водится. А то пришли как раз в такую пору, когда никого из нас дома не было, все трое были на охоте... Небось, кабы мы дома-то были, Уилли Грэм обошелся бы сегодня без завтрака... Но это еще впереди, не так ли, Габби?

– Соседи назначили день, чтобы нам с ним сойтись в Кэстлтоне и на людях покончить дело полюбовно, – уныло отвечал Габби, – так они решили, и мне пришлось согласиться, потому что иначе ничего не поделаешь.

– Полюбовно! – вскрикнули разом оба брата. – После та-

ких-то пакостей, о которых у нас и не слыхано со времен стародавних набегов!

– Да, братцы, уже и моя кровь кипела от этого... да вот, увидел Грейс Армстронг, – от сердца-то и отлегло!

– А как же с урожаем, Габби? – сказал Джон Эллиот. – Ведь нас вконец разорили. Мы с Гарри ходили и на дальнее гумно, хотели хоть остатки собрать; но и там хоть шаром покати. Я не знаю, как нам быть... На войну идти, что ли? Уэст-бернфлет не в состоянии вознаградить нас за убытки, если бы и захотел. С него и взять-то нечего; только то и утешенье, чтобы поколотить его хорошенько. У него ни одной скотины нет, кроме той запаленной лошаденки, на которой он ездит, да и ту он совсем заморил своими ночными походами, так что разоренье наше полное.

Габби бросил печальный взгляд на Грейс Армстронг; она потупилась и вздохнула.

– Не падайте духом, детушки, – сказала бабушка, – у нас немало есть добрых людей, они не оставят нас без помощи. Вот, например, сэр Томас Киттлүф, он мне приходится троюродным братом по матери; а он много денег загреб, да еще и в баронеты был произведен, в ту пору как был комиссаром во время присоединения.

– Он и медной полушки не даст, чтобы спасти нас от голодной смерти, – сказал Габби, – а если бы и дал, так у меня бы в горле застрял хлеб, купленный на его деньги, потому что я бы не мог забыть, что он нажил свое богатство тем, что

продал и корону, и прежнюю независимость нашей бедной Шотландии.

– Ну, так обратимся к лэрду Дандеру, это одна из старейших фамилий в долине Тевииота.

– Он посажен в тюрьму, матушка... отсиживает в Эдинбурге, из-за тысячи марок, которые занял у Сандерса Уилкота, стряпчего.

– Бедняга! – воскликнула миссис Эллиот. – Габби, надо бы послать ему какое-нибудь пособие!

– Вы забыли, бабушка... вспомните, что мы теперь сами нуждаемся в пособии, – сказал Габби с некоторой досадой.

– И то забыла, голубчик, – отвечала добродушная старушка, – совсем из головы вон на эту минуту. Такая уж привычка, как же не подумать о родных, прежде чем о себе?... Ну, вот еще молодой Эрнсклиф.

– Он и сам не больно богат, ему трудно поддерживать и свое-то громкое имя, – сказал Габби, – так совестно наваливать на него еще заботу о нашей бедности. Да что, бабушка, какая вам охота перебирать имена всех наших сродников и союзников, словно от их знатных фамилий может быть для нас облегчение; кто познатнее, тот о нас и думать забыл, а кто нам ровня, тому впору самому как-нибудь прожить с семьей, никого у нас нет, кто бы мог или захотел нам пособить сызнова заводить ферму.

– Стало быть, Габби, возложим всю надежду на Того, Кто один может и друзей и богатство создать нам, как говорится,

из бесплодного болота.

Габби вскочил с места.

– А ведь вы правы, бабушка, – воскликнул он, – ведь это так и есть. Я знаю одного такого друга на бесплодном болоте, который и может и хочет нам помочь... Сегодня такой выдался тревожный день, что у меня голова кругом пошла и все в ней вверх дном. Сегодня поутру я оставил на пустыре Меклстон-мур такую кучу золота, что с ним можно и дом выстроить, и все хозяйство восстановить вдвое больше и лучше прежнего, и я уверен, что Элши нисколько не посетует на нас за это!

– Элши? – сказала бабушка с удивлением. – Какой такой Элши?

– Да, конечно, все тот же Элши, знахарь и мудрец, что живет на Меклстон-мур, – отвечал Габби.

– Сохрани тебя Бог, дитяtko! Не ходи за водой в худую лохань и не бери денег от тех, кто водится с нечистой силой! От их подарков никому счастья не бывает, и ходить-то к ним большой грех. Кто же в нашей стороне не знает, что этот Элши злой чародей? Ох, кабы жили мы по закону да были бы у нас праведные судьи, которыми всякая земля держится в порядке и благочестии, такого человека не оставили бы в живых! Вот эти знахари да колдуны и губят нашу сторону.

– Нет, матушка, – сказал Габби, – вы себе толкуйте, что хотите, а в нынешние времена колдуны и ведьмы далеко не так могущественны, как в старину; по моему разумению, ка-

кой-нибудь злоумышленник, вроде старого Эллисло, или такой разбойник, как этот проклятый мерзавец Уэстбернфлет, гораздо хуже и вреднее для нашего края, нежели целая стая самых злющих ведьм, какие когда-либо гарцевали верхом на помеле или откалывали коленца на масленицу! Небось, ведь не Элши спалил мой дом и амбары; так уж я попробую попросить его отстроить мне их сизнова. Всем известно тоже, что он человек искусный, слава о нем идет до самого Бруфа, что под Стенмором.

– Погоди немного, дитяtko, вспомни, пошли ли кому впрок его услуги. Джок Хауден все-таки помер по осени от той самой болезни, от которой Элши будто бы вылечил его; а у Лембсайда он хоть и исцелил корову от болотной немочи, зато в ту зиму у него все овцы переболели. Опять же, говорят, он такими словами ругает человеческую натуру, как будто самого Господа Бога попрекает. И не ты ли сам говорил, когда увидел его в первый раз, что он больше похож на пугало, чем на человека!

– Полноте, матушка, – сказал Габби, – Элши не так уж плох; ну, конечно, больно он искалечен, и смотреть на него, нельзя сказать, что приятно, да и речь у него грубая; но язык его острее зубов, и он больше лается, чем кусается, так что, если бы мне дали чего-нибудь перекусить, а то у меня сегодня во рту ни маковой росинки не было, я бы поел да и лег часа два или три соснуть рядом с моей скотиной, а завтра чем свет съезжу на Меклстон-мур.

– А почему же не сегодня, Габби? – спросил Гарри. – И я бы с тобой поехал.

– Моя лошадь уж больно устала, – сказал Габби.

– Так возьми мою, – сказал Джон.

– По правде сказать, я и сам очень утомился.

– Ты утомился? – сказал Гарри. – И тебе не стыдно? Я видел, как ты целые сутки напролет проводил на лошади, да и то никогда не жаловался на усталость.

– Да и ночь какая темная, – сказал Габби, вставая и глядя в окно, – а я, признаюсь откровенно, что греха таить, хоть Элши и славный парень, а все-таки я как-то охотнее пойду к нему при дневном свете!

Это откровенное заявление положило конец уговорам; таким образом, Габби сумел примирить отважные советы брата с осторожными доводами бабушки, после чего ему дали поесть.

Подкрепив свои силы, чем бог послал, и еще раз расцеловав всех присутствующих, он пошел под навес и растянулся рядом со своим верным конем. Его братья поделили между собой несколько снопов чистой соломы, стащив ее в хлев, где старая Эннепл прежде держала свою корову; а женщины кое-как устроились на ночлег внутри хижины.

Габби встал еще до зари и, собственными руками вычистив и оседлав коня, поехал в Меклстон-мур. Он избегал общества своих братьев, так как ему казалось, что карлик лучше принимает того, кто является к нему в одиночку.

– Он так нелюдим, – размышлял Габби по пути, – ему и на одного-то человека тошно смотреть. Интересно узнать, вылезал ли он из своей берлоги и подобрал ли мешок с деньгами. Коли он этого не сделал, какой-нибудь прохожий мог от души порадоваться такой находке, а я останусь в дураках. Ну-ка, Тэррес, – продолжал он, обращаясь к лошади и в то же время давая ей шпоры, – поворачивайся, братец, проворнее, постараемся быть на месте прежде всех!

Он уже выехал на вересковое поле, начинавшее окрашиваться первыми лучами восходящего солнца; грунт был слегка покатым и, спускаясь по нему, ему было явственно видно издали жилище карлика. Дверь домика растворилась, и Габби собственными глазами увидел то, о чем до сих пор слышал только рассказы. Из хижины одинокого отшельника вышли две человеческие фигуры (если можно приложить это понятие и к самому карлику) и, остановившись в ограде, стали разговаривать между собой. Наиболее высокая фигура наклонилась, как бы подняв что-то, лежавшее у дверей хижины; потом обе прошли немного вперед и снова остановились, продолжая совещаться между собой. При виде этого зрелища все суеверные ужасы с новой силой проснулись в душе Габби. Ему казалось одинаково невероятным, чтобы карлик сам впустил смертного в свое жилище или чтобы кто-нибудь добровольно остался у него на ночь. Поэтому, будучи в полной уверенности, что колдун совещается с бесом, Габби придержал лошадь и затаил дыхание, страшась

слишком внезапным появлением нарушить беседу и возбудить их гнев. Но и они, как видно, заметили его, потому что, как только он остановился среди поля, карлик воротился в свою усадьбу, а сопровождавшая его высокая фигура сначала проскользнула за ограду сада, а потом исчезла из глаз изумленного Габби.

«Видано ли когда что-нибудь подобное, – подумал Эллиот, – но я в таком отчаянном положении, что будь тут хоть сам Вельзевул, я бы все-таки попытался к нему сунуться».

Однако, невзирая на такую решимость, он поехал потише; на том самом месте, где в последний раз видел он высокую фигуру, он увидел лежащий среди длинных веток вереска небольшой темный предмет, похожий на спящую собаку из породы такс.

– Никогда я не слыхивал, чтобы он держал собаку, – сказал про себя Габби, – довольно с него и чертей, которые его сторожат, прости, Господи, мое согрешение!.. Что бы это ни было, оно не шевелится... Похоже на барсука, а впрочем, кто их знает, оборотни принимают всякие личины, чтобы только напугать человека... Подойдешь к нему ближе, а он, того и гляди, прыгнет на тебя, словно лев или крокодил. Попробовать разве швырнуть в него камешком, куда издали... А то, коли близко подъедешь, да он вздумает превратиться во что-нибудь другое, моя лошадь непременно взбесится... И мне уж не под силу будет возиться и с конем и с чертом.

Он осторожно швырнул камешек, но предмет оставался

неподвижным.

– Да это вовсе не живая тварь, – молвил Габби, приблизившись к нему, – а тот самый мешок с деньгами, который он вчера выбросил в окошко. А тот другой... долговязый... оттащил его на дорогу, в мою сторону.

Он подошел и приподнял тяжелый мешок, битком набитый золотыми монетами.

– Господи помилуй! – проговорил Габби, и сердце его сначала радостно встрепенулось при мысли об открывавшейся перед ним счастливой будущности, а потом опять замерло со страха, так как он не мог понять, с какой целью предлагается ему такая богатая подачка. – Господи помилуй! Дрожь берет прикасаться к тому, что сейчас только побывало в когтях нечистого. Никак не могу отделаться от мысли, что тут проказничает сам сатана. Ну, будь что будет, а я все-таки буду действовать как следует честному человеку и христианину.

Он подошел к двери, несколько раз постучал, не получил никакого ответа и, наконец, возвысив голос, обратился к обитателю хижины с такой речью:

– Элши! Дедушка Элши! Я знаю, что вы дома, потому что видел вас у дверей, когда ехал с горы. Выйдите, пожалуйста, наружу и побеседуйте минутку с человеком, который желает усердно поблагодарить вас. Все, что вы сказали насчет Уэстбернфлета, оказалось верно; только он прислал Грейс назад, в полной сохранности и без обиды, так что никакой беды не случилось, кроме убытков, которые можно перене-

сти или поправить. Вышли бы вы на минуту, дядюшка, или хоть сказали бы, что слышите! Ну, ладно, коли не хотите проронить ни словечка, я буду продолжать. Я, видите ли, рассудил, что мы с Грейс люди молодые, и больно уж обидно нам будет откладывать свадьбу на многие годы, покуда я отправлюсь за море, сколочу деньжонок и ворочусь домой. К тому же, говорят, нынче за границей на войне не дозволяется наживать добычу так, как в прежние годы, а на королевской службе жалованье маленькое, с него не разживешься. А бабушка у меня уж старый человек... опять же и сестры... коли меня не будет при них, насидятся они без женихов, да натерпят всякого горя. А Эрнслиф и другие соседи, да, пожалуй, что и вы, Элши... может быть, придет вам такая нужда, что Габ Эллиот сможет оказать вам добрую услугу. Могу ведь и я вам пригодиться на что-нибудь. Вот и жалко было бы совсем-то разрушить наше фамильное гнездо. Так вот я и хотел... только, черт побери, прости, Господи, не могу же я просить милостыни у человека, который не удостоивает и одного словечка проронить, так что я даже не знаю, слышит ли он меня!

– Говори что хочешь и делай как знаешь, – отозвался карлик изнутри хижины, – только уйди и оставь меня в покое!

– А-а, ну хорошо, – сказал Эллиот. – Раз вы слушаете, я постараюсь объясниться покороче. Вы были так добры, сказав, что с удовольствием дадите мне денег, сколько нужно на стройку и на возобновление всего хозяйства в Хейфуте; ну

и я со своей стороны очень рад принять от вас эту помощь и премного вам обязан за великую любезность. В моих руках эти денежки будут, пожалуй, сохраннее, чем в ваших, потому что вы вон взяли да и выкинули их на дорогу, где всякий проезжий негодяй мог их поднять и присвоить; а есть и такие, что в запертые двери ломаются и стены прошибают, как я сам испытал на свое горе. Так я и говорю, что, если вы мне оказываете такое милостивое расположение, я с радостью принимаю вашу добрую помощь, и мы с матушкой – она пожизненно владеет пустошью Уайдонен, а я после нее наследник, – мы вам выдадим вексель или закладную на эту землю, и каждые полгода будем выплачивать вам годовичную ренту; все бумаги выправим у Сандерса Уилкота, нотариуса, и уж возьмем издержки на свой счет!

– Перестань болтать вздор и убирайся прочь, – сказал карлик, – от твоей тупоголовой и словоохотливой честности мне еще тошнее, чем от вороватого искусства тех светских людей, которые обернут человека дочиста и не побеспокоят его ни благодарностью, ни извинениями, ни разъяснениями. Прочь, говорю тебе, уходи скорее! Ты из тех смиренных рабов, у которых честное слово стоит всяких писанных договоров. Бери деньги и держи у себя капитал и проценты, пока я сам не потребую их обратно!

– Как же так, Элши, – возразил упрямый фермер, – все мы люди смертные, так надо на этот счет выправить какое-нибудь обеспечение. Коли хотите, сами напишите бумагу, рас-

писку там, что ли, или что другое, а я отдам переписать и подпишусь, как следует, при благородных свидетелях. Только уж я вас попрошу, Элши, не вставляйте ничего такого, что послужило бы во вред спасению моей души; потому что я непременно дам вашу записку прочесть пастору, стало быть, только понапрасну подведу вас под неприятности... Ну а теперь я уйду, потому что вам надоело слушать, а мне надоело болтать, не получая ответа... А вот лучше я принесу вам как-нибудь на днях кусок свадебного пирога, да, может быть, и Грейс приведу с собой. Вот увидите, что за благодать — хоть только поглядеть на мою Грейс... Ох, Господи! Уж здоров ли он, что это как он страшно зарычал?.. Или, может быть, оттого, что я помянул про благодать?.. Бедняга! Должно быть, туго ему приходится! А ведь какой добрый! Обошелся со мной как с родным сыном... Вот был бы у меня диковинный отец, кабы и вправду я ему сыном приходился!

С этими словами Габби избавил благодетеля от своего присутствия и в радостном настроении отправился домой показывать свое богатство и советоваться с домашними насчет поправок и возмещения убытков, нанесенных ему нападением Рыжего разбойника из Уэстбернфлета.

Глава XI

*Едва лишь солнце поднялось,
В мой терем трое ворвалось;
Схватили бедную меня
И положили на коня,
Связавши, поперек седла;
А чтоб кричать я не могла,
Мне силой зажимали рот
И быстро увезли. И вот,
Клянуся вам душой моей,
Что я не знаю тех людей!*

«Кристабел»^[26]

Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление, дабы выснить обстоятельства, поставившие мисс Изабеллу Вэр в то неприятное положение, из которого так неожиданно и даже невольно вывело ее появление Эрнсклифа, Эллиота и их товарищей перед стенами башни Уэстбернфлет.

Полутру, накануне того дня, когда произошел грабеж и пожар на ферме Габби Эллиота, мистер Вэр позвал свою дочь на прогулку в отдаленную часть живописных угодий, окружавших замок Эллисло.

Такое приглашение было равносильно приказанию и требовало столь же безусловного повиновения, как и в домашнем быту любого восточного деспота. Изабелла молча, но с

трепетом следовала за отцом то по каменистым тропинкам, вившимся вдоль берега реки, то по крутым скалам, выдвигавшимся над водой. Единственным провожатым был слуга, как будто нарочно выбранный за свое тупоумие. Судя по молчанию отца, Изабелла не сомневалась, что он затеял эту дальнюю и уединенную прогулку с целью возобновить так часто повторявшийся между ними разговор насчет сватовства сэра Фредерика и теперь придумывает, с чего бы начать, так чтобы окончательно убедить ее в необходимости принять его предложение. Однако поначалу казалось, что ее опасения были неосновательны. Несколько фраз, произносимых ее отцом время от времени, относились исключительно к красотам разнообразного и романтического пейзажа, через который они проходили. Хотя эти замечания произносились таким мрачным тоном, что видно было, из какого угрюмого и озабоченного источника они происходили, Изабелла старалась отвечать на них как можно более непринужденно, хотя собственное ее сердце невольно сжималось от предчувствия чего-то недоброго.

С трудом поддерживая такую отрывочную беседу, они дошли до середины небольшого леса, состоявшего из крупных дубов, перемешанных с березой, горной ольхой, орешником, остролистом и разнообразным кустарным подлеском. Высокие деревья соприкасались вверху своими густыми шатрами, а внизу стволы их тонули в чаще кустов. Но место, где они остановились, было более открыто: это была полянка, осе-

ненная естественными аркадами старых деревьев и окаймленная более молодыми кустами и подлеском.

– А здесь, Изабелла, – сказал мистер Вэр, продолжая все тот же отрывистый разговор, – здесь воздвиг бы я храм, посвященный дружбе!

– Дружбе, сэр? – сказала мисс Вэр. – Почему же именно в таком уединенном и унылом месте?

– О, пригодность этого места для подобной цели легко объяснить, – отвечал ее отец насмешливым тоном. – Вам известно, мисс Вэр, – потому что вы, я знаю, барышня образованная и ученая, – что римляне боготворили не только всякое полезное качество и нравственное свойство, делая из каждого отдельное божество, но ставили отдельные алтари каждому из личных атрибутов или особенностей такого божества. Так, например, и здесь, воздвигая храм дружбе, я разумел бы не мужскую приязнь, для которой ненавистны и презренны всякие извороты, ложь и лицемерие, но именно женскую дружбу, которая вся основана на том, что так называемые подруги подбивают друг друга на обман, плутни и мелкие интриги.

– Вы очень строги, сэр, – молвила мисс Вэр.

– Нет, я только справедлив, – сказал ее отец, – я рисую прямо с натуры, имея перед глазами такие превосходные образцы, как вы и Люси Илдертон.

– Если я имела несчастье прогневать вас, сэр, могу по совести сказать, что мисс Илдертон ничего мне не советовала

и ничему не учила.

– Вот как, – сказал мистер Вэр, – в таком случае, откуда же взялись у вас такие дерзкие речи и такая решительность тона, которыми вы последнее время озадачивали сэра Фредерика, а мне доставили глубокое огорчение?

– Если мои манеры были таковы, что причинили вам неудовольствие, сэр, то искренно прошу у вас прощения; но не могу сказать, чтобы ощущала раскаяние в том, что отвечала в решительном тоне на грубые приставаания сэра Фредерика. Когда он позабывает, что я девушка из порядочного круга, должна же я напомнить ему, по крайней мере, что я женщина!

– Поберегите свою запальчивость для тех, кто станет приставать к вам по этому поводу, Изабелла, – отвечал ее отец холодно, – что до меня, этот предмет смертельно мне наскучил и я никогда больше не буду о нем говорить.

– Да благословит вас Бог, милый папенька, – сказала Изабелла, схватив почти насильно его руку, – что бы вы ни приказали мне, чего бы ни потребовали, я готова делать все на свете, лишь бы позволили мне не слушать этого человека.

– Вы очень любезны, мисс Вэр, в тех случаях, когда вам угодно быть почтительной, – сказал беспощадный отец, вырывая у нее свою руку, – только отныне я себя избавлю от труда подавать вам неприятные советы. Можете действовать по собственному усмотрению.

В эту минуту из лесу выскочили четыре разбойника и на-

пали на них. Мистер Вэр и его слуга выхватили из-за пояса ножи, которые в то время каждый носил при себе, и попытались отбиться и защитить Изабеллу. Но пока они боролись с двумя противниками, двое остальных схватили ее, утащили в чашу и посадили на заранее приготовленную лошадь; потом оба сели на других лошадей, поместились у ней по бокам, взяли в руки ее поводья и поскакали крупной рысью. Ехали извилистыми тропинками, по глубоким лощинам и горам, через болота и трясины, и привезли ее, наконец, в башню Уэстбернфлет; тут старуха, мать разбойника, приняла ее на свое попечение и, хотя обращалась с ней не дурно, но присматривала очень строго и, невзирая ни на какие мольбы, не соглашалась сказать Изабелле, зачем ее увезли насильно, с какой целью заперли и держат в таком глухом месте.

Появление перед башней Эрнскилфа со значительным отрядом конных товарищей испугало разбойника. Так как он уже распорядился отправить Грейс Армстронг обратно к ее родным, ему и в голову не пришло, что непрошенные гости явились именно за ней. Увидев во главе партии Эрнскилфа, о привязанности которого к мисс Вэр он не раз слышал, ему показалось очевидным, что на его жилище нападают с единственной целью освободить ее. Боясь для себя лично очень неприятных последствий ее задержания, он счел более благоразумным выдать пленницу на описанных выше условиях.

Как только замер вдали топот лошадей, увозивших по лесу Изабеллу Вэр, отец ее упал на землю. Его слуга, дюжий

парень, начинавший одолевать своего противника, перестал сражаться и бросился на помощь своему господину, думая, что он смертельно ранен. Оба негодяя тотчас отказались от дальнейшего состязания, скрылись в чащу, вскочили на запряженных там лошадей и во весь дух помчались вслед за своими товарищами.

Между тем слуга Диксон с удовольствием убедился, что мистер Вэр не только не мертв, но даже не ранен. Он только потерял равновесие и упал, споткнувшись о древесный корень, в тот момент, как слишком сильно замахнулся на своего противника. Отчаяние, овладевшее им по поводу похищения дочери, по выражению Диксона, растрогало бы даже каменное сердце. Он столько времени разыскивал следы похитителей, тщетно бросаясь то в одну сторону, то в другую, и от волнения до того ослабел, что прошло много времени, прежде чем он возвратился к себе домой и сообщил домохозяевам о постигшем его несчастье.

В это время он вел себя и говорил, как человек, пришедший в самое отчаянное состояние.

– Перестаньте, не говорите со мной, сэр Фредерик! – говорил он нетерпеливо. – У вас не отцовское сердце... а ведь она мне дочь; правда, быть может, неблагодарная дочь, но все-таки родное дитя мое, единственное дитя! Где мисс Илдертон? Она что-нибудь должна знать об этом. Это как раз вяжется с тем, что мне сообщали о ее планах. Диксон, пойдди позови мне Ратклиффа... Скажи, чтобы шел сюда немед-

ленно!

В эту минуту в комнату вошел тот самый джентльмен, за которым он посылал.

— Слышишь, Диксон, — продолжал мистер Вэр, меняя тон, — доложи мистеру Ратклиффу, что я покорнейше прошу его сойти сюда по важному делу... Ах, это вы, дорогой сэр! — прибавил он, как будто только сейчас заметил вошедшего. — Вы единственный человек, могущий подать мне благой совет в такую ужасную минуту.

— Что случилось, мистер Вэр, и что вас так расстроило? — спросил мистер Ратклифф степенно; и покуда хозяин замка Эллисло со всеми признаками горестного негодования рассказывает ему об удивительном утреннем приключении, мы воспользуемся этим моментом, чтобы сообщить читателю о взаимных отношениях этих джентльменов между собой.

В ранней юности мистер Вэр вел жизнь чрезвычайно разгульную, а на склоне лет предался не менее пагубной страсти, а именно самому необузданному и мрачному честолюбию. В обоих случаях он удовлетворял своей преобладающей потребности, не справляясь со своими финансовыми средствами, и хотя в иных случаях отличался скупостью, сребролюбием и даже скаредностью, но мало-помалу сильно расстроил свое состояние. В сильно стесненных обстоятельствах отправился он в Англию и там, как говорят, женился весьма выгодно. В течение многих лет он не бывал в своем родовом поместье, но в один прекрасный день приехал туда

внезапно, уже вдовцом и в сопровождении дочери, девочки лет десяти. С этих пор он начал жить так широко, что обитатели его родных гор, простодушные соседи, не могли надивиться такой расточительности. Полагали, что он по уши залез в долги; но он продолжал тратить деньги так же широко, пока общее мнение не подтвердилось тем обстоятельством, что в замке Эллисло поселился вдруг мистер Ратклифф, и, очевидно к великому неудовольствию хозяина, но как бы с его согласия, с первых же дней своего водворения в доме начал заправлять хозяйством и оказывать какое-то необъяснимое влияние на частные дела мистера Вэра. Это случилось за несколько месяцев до начала нашего повествования.

Мистер Ратклифф был человек серьезный, степенный, сдержанный и уже очень пожилой. Все, кому приходилось вступать с ним в деловые отношения, не могли нахвалиться его познаниями и начитанностью. С остальными он редко разговаривал, но, когда случалось ему в общей беседе высказать свои воззрения, видно было, что у него развитой ум и обширное образование. Еще до своего окончательного водворения в замке он несколько раз приезжал туда в гости, и мистер Вэр при этих случаях обращался с ним крайне внимательно и даже почтительно, что далеко не было для него обычным способом обхождения с людьми низшего состояния. Тем не менее приезд этого гостя каждый раз заметно смущал хозяина, а его отъезд доставлял ему видимое облегчение, так что, когда мистер Ратклифф сделался постоянным

обитателем замка, для всех было очевидно, что его присутствие решительно тяготит мистера Вэра.

Их отношения представляли странную смесь доверия и натянутости. Мистер Ратклифф заправлял всеми важнейшими делами домохозяина, который далеко не был из числа тех беспечных богачей, что с радостью сваливают свои заботы на чужие плечи; однако не раз было замечено, что он отказывался от собственного мнения и подчинялся противоположным решениям мистера Ратклиффа, не стеснявшегося в выражении своего образа мыслей.

Ничто, по-видимому, до такой степени не досаждало мистеру Вэру, как если в присутствии посторонних лиц случались подобные примеры его зависимости от мистера Ратклиффа. Когда сэр Фредерик или кто-нибудь из других гостей позволял себе делать на этот счет замечания, он или с надменным негодованием оспаривал их справедливость, или же старался обратить дело в шутку и говорил смеясь:

– Этот Ратклифф, правда, немножко важничает, но зато это честнейший и дельнейший человек; без него я бы ни за что не сладил с управлением моих поместий в Англии.

Таков был джентльмен, вошедший в комнату в ту минуту, когда мистер Вэр за ним посылал. Когда ему наскоро передали историю того, что случилось с Изабеллой, он принял это известие с большим удивлением и с очевидным недоверием.

Мистер Вэр закончил этот рассказ, обратившись к сэру Фредерику и прочим джентльменам, стоявшим вокруг в без-

молвном изумлении:

– Друзья мои, вы видите перед собой несчастнейшего из отцов. Не откажите мне в своем содействии, господа!.. Подайте совет, что мне делать, мистер Ратклифф, сам я не в состоянии ничего придумать, так меня сразило это ужасное происшествие.

– Сядем на коней, соберем прислугу и поедem по всем окрестностям искать следов этих мерзавцев! – сказал сэр Фредерик.

– Не можете ли припомнить, – сказал Ратклифф серьезно, – нет ли такого лица, для которого столь странное преступление было бы выгодно? Мы живем в практическое время, нынче уж барышень не похищают из-за одной их красоты.

– Опасаюсь, что этот странный случай объяснится слишком просто, – сказал мистер Вэр. – Прочтите вот это письмо, которое мисс Люси Илдертон изволила писать из замка Эллисло молодому Эрнсклифу, то есть наследственному врагу моего дома. Как видите, она ему пишет как поверенная нежной страсти, которую он самонадеянно питает к моей дочери, сообщает ему, что горячо поддерживает его интересы перед своей подругой, но что у него и так есть сторонница в осаждаемой крепости, и гораздо более влиятельная. Обратите внимание на подчеркнутые строчки, мистер Ратклифф; эта назойливая девица советует ему действовать решительнее, заверяя, что его сватовство всюду имело бы успех, но

только не в пределах баронского поместья Эллисло.

– И вы, мистер Вэр, заключаете из этого романтического письма весьма романтической молодой девицы, что Эрнслиф похитил вашу дочь, – сказал Ратклифф, – и, следовательно, совершил весьма серьезное и преступное деяние без всяких к тому поводов, помимо того, что могла ему присоветовать мисс Люси Илдертон?

– Да как же иначе об этом думать? – сказал Эллисло.

– И что вы можете сказать против этого? – сказал сэр Фредерик. – Кому же еще могло быть выгодно совершить подобное преступление?

– Если бы разыскивать виновных на этом основании, – сказал мистер Ратклифф спокойно, – то было бы легко указать на лиц, которым более привычен такой образ действий, и притом более причин к совершению такого поступка. Положим, что кто-нибудь желал бы удалить отсюда мисс Вэр и поместить в такие условия, где легче будет заставить ее покориться чужой воле, нежели это возможно при существующих обстоятельствах в замке Эллисло. Что скажет на это сэр Фредерик Лэнгли?

– Я скажу, – отвечал сэр Фредерик, – что, хотя мистеру Вэру угодно переносить со стороны мистера Ратклиффа дерзости, вовсе несовместные с его званием, но я не намерен безнаказанно переносить ничего подобного и не дозволю никаких оскорбительных намеков на свой счет.

– А я скажу, – вмешался юный Маршал из Маршал-Уэль-

са, гостивший в замке, — что все вы, должно быть, вовсе потеряли рассудок: чем стоять здесь и спорить из-за пустяков, не лучше ли поспешить в погоню за негодяями?

— Я уже распорядился, — сказал мистер Вэр, — и послал часть прислуги в ту сторону, где всего вероятнее настигнуть их; если вам угодно сопровождать меня, я вас покорнейше попрошу поехать туда же и помочь нашим разведчикам в их поисках.

Эти поиски производились без всякого успеха, быть может, потому, что Эллисло направлял их в сторону замка Эрнсклиф, выразив предположение, что хозяин этого поместья и есть похититель его дочери, между тем как по-настоящему надо было искать виновных в направлении прямо противоположном. Вечером все воротились в Эллисло измученные и недовольные. Но в отсутствие их в замок прибыли другие гости, и им еще раз было рассказано о несчастье, постигшем хозяина дома, и они тоже сначала изумились, а потом потужили; этот случай вскоре был на время позабыт или, по крайней мере, внимание к нему померкло, перейдя всецело к обсуждению политических интриг и важности настоящей критической минуты, когда с часу на час ожидалось начало восстания.

Многие из джентльменов, принявших участие в совещании, были католики и все до одного горячие приверженцы Стюартов (якобиты); они были преисполнены самых радужных надежд, потому что каждый день ожидали из Франции

высадки подкреплений в пользу претендента; а в Шотландии, ввиду несостоятельности местных крепостей и малочисленности их гарнизонов, были расположены скорее принять чужеземных гостей с честью, нежели оказывать им сопротивление. Ратклифф не принимал никакого участия в этих совещаниях, да его и не приглашали на них, а потому он заранее удалился в свою комнату. Мисс Илдертон находилась под почетным арестом в отведенной ей светлице, и мистер Вэр распорядился «доставить ее в родительский дом», что и было исполнено на другой день.

Прислуга только дивилась тому, что гости так скоро и легко примирились с отсутствием мисс Вэр и с более чем странным способом ее исчезновения из замка. Они не знали, что лицам, наиболее заинтересованным в ее судьбе, были доподлинно известны и повод к ее похищению, и место ее пребывания; остальные же были слишком поглощены сомнениями и тревогами, предшествующими выполнению политического заговора, чтобы думать о чем-либо, кроме своих личных интриг и интересов.

Глава XII

*Те шлют сюда, а эти шлют туда;
Куда ж идти, скажите, господа?*

Поиски мисс Вэр возобновились и на другой день (вероятно, ради соблюдения приличий); они были опять так же неудачны, и к вечеру общество снова возвратилось в Эллис-ло.

– Удивительное дело, – сказал Маршал Ратклиффу, – целых четыре всадника и их пленница проехали по здешним окрестностям и точно в воду канули, не оставив ни малейших следов!

– Люди часто добиваются правды путем исключения, – отвечал Ратклифф. – Мы теперь побывали на всех дорогах, тропинках и просеках, ведущих из замка во все стороны, исключая один лишь сложный и трудный путь, который тянется к югу на Уэстберн и пролегает через болота.

– А почему же мы туда не заглядывали? – спросил Маршал.

– О, об этом нужно спросить мистера Вэра, – сухо отвечал его собеседник.

– Так я сейчас спрошу, – молвил Маршал и, обращаясь к мистеру Вэру, сказал: – Я слышал, сэр, что есть еще одна тропинка, не исследованная нами и ведущая в Уэстбернфлет!

– О, – отозвался со смехом сэр Фредерик, – владелец Уэстбернфлета нам хорошо известен... Это довольно неотесанный парень, не видящий большой разницы между имуществом соседа и своим собственным; но у него тем не менее благородные правила: он не тронет ничего, принадлежащего владельцу Эллисло.

– К тому же, – сказал мистер Вэр с загадочной улыбкой, – он закинул удочку в другом месте. Вы слышали, что прошлой ночью сгорела ферма молодого Эллиота из Хейфута и весь его скот угнали за то, что он отказался выдать свое оружие некоторым благомыслящим людям, которые намереваются восстать в защиту короля?

Спутники с улыбкой переглянулись, как бы радуясь, что совершен такой подвиг, выгодный для их общего дела.

– Однако, – возразил Маршал, – по-моему, следует съездить на разведку и в ту сторону, иначе нас могут справедливо укорить в небрежности.

Так как на это возразить было нечего, вся компания повернула лошадей по направлению к Уэстбернфлету.

Отъехав на некоторое расстояние, они услышали конский топот с противоположной стороны и вскоре увидели группу всадников, ехавших им навстречу.

– Вон едет Эрнсклиф, – сказал Маршал, – я узнал его чудесную гнедую лошадь со звездочкой во лбу!

– А с ним и дочь моя! – с яростью воскликнул мистер Вэр. – Кто может теперь утверждать, что мои подозрения

были напрасны или оскорбительны? Джентльмены... друзья мои... обнажите ваши шпаги, помогите отбить мою дочь!

Он выхватил свою шпагу из ножен; его примеру последовали сэр Фредерик и некоторые другие, с намерением тотчас напасть на приближавшуюся группу. Но большинство воздержалось от этого.

– Они едут мирно и спокойно, – сказал Маршал-Уэльс. – Сперва послушаем, как они объяснят это таинственное происшествие. Если Эрнсклиф нанес мисс Вэр малейшее неудовольствие или оскорбление, я первый готов за нее вступить и отомстить; но надо же узнать, в чем дело!

– Вы оскорбляете меня своими подозрениями, Маршал, – продолжал Вэр, – никак я не ожидал от вас такого недоверия!

– А вы себе вредите своей запальчивостью, Эллисло, хотя причина такова, что вам это извинительно.

Маршал-Уэльс выехал вперед и закричал громким голосом:

– Остановитесь, мистер Эрнсклиф, или подъезжайте вы и мисс Вэр вдвоем, а остальные пусть остаются на месте! Вас обвиняют в том, что вы похитили эту девицу из родительского дома, а мы собрались здесь с оружием в руках, готовые пролить свою кровь ради ее освобождения и расправиться со всяким, кто ее обидел или оскорбил!

– А кто же охотнее меня предпринял бы подобную расправу, мистер Маршал? – сказал Эрнсклиф надменно. – Я только сегодня поутру имел удовольствие освободить ее из

заклучения в башне, где она томилаcь, а в настоящую минуту провожаю ее обратно в Эллисло!

– Так ли это, мисс Вэр? – сказал Маршал.

– Так, так, – поспешно отвечала Изабелла, – конечно! Ради бога, вложите оружие в ножны! Клянусь всем, что есть святого, что меня похитили разбойники; я не знаю ни их самих, ни того, зачем они это сделали, а получила свободу по милости вот этого джентльмена!

– Но кто же мог это сделать и для чего? – продолжал Маршал. – Разве место, куда вас привезли, было вам совсем незнакомо?.. Эрнскиф, где вы застали мисс Изабеллу Вэр?

Но прежде, нежели последовал ответ на тот или другой из вопросов, Эллисло подъехал, вложил шпагу в ножны и положил конец объяснениям, ухватив лошадь своей дочери под уздцы.

– Когда я наверное узнаю, – сказал он, – до каких размеров простираются мои обязательства к мистеру Эрнскифу, он может рассчитывать на соответственную благодарность с моей стороны, а пока я благодарю его за то, что он возвратил мою дочь ее естественному покровителю.

Он угрюмо кивнул головой Эрнскифу, на что молодой человек ответил ему так же горделиво, после чего Эллисло повернул своего коня и, уезжая рядом с дочерью, вступил с ней в такой серьезный разговор, что остальное общество сочло более приличным отстать от них и предоставить им совещаться на свободе.

Эрнслиф обратился к партии мистера Вэра и, поклонившись присутствующим, сказал во всеуслышание:

– Не могу себе представить, на каком основании могло возникнуть подобное подозрение, однако вижу, что мистер Вэр считает возможным мое участие в насильственном похищении его дочери. Прошу вас, господа, быть свидетелями, что я положительно отвергаю столь обидное обвинение, и хотя могу снизойти к расстроенным чувствам отца, способного забиться в подобную минуту, но если бы кто из других джентльменов, – тут он взглянул в упор на сэра Фредерика Лэнгли, – счел мое уверение, слова мисс Вэр и свидетельство друзей, меня сопровождающих, недостаточными для моего оправдания, я с удовольствием, с величайшим удовольствием берусь опровергнуть возведенную на меня клевету тем способом, который всего приличнее для человека, дорожащего честью более, чем жизнью!

– А я буду его секундантом, – молвил Саймон из Хэкборна, – и берусь один постоять против двоих из вас, кто бы вы ни были, господа или слуги, мне все едино!

– Это что за грубиян, – сказал сэр Фредерик Лэнгли, – и как он смеет вмешиваться в ссоры джентльменов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Черный Карлик», написанный в 1816 г., – один из романов, изданных Скоттом в серии, которую он назвал «Рассказы трактирщика» («Tales of My Landlord»). Кроме «Черного Карлика», в серию вошли романы: «Пуритане» (1816), «Эдинбургская темница» (1818), «Ламмермурская невеста» (1819), «Легенда о Монтрозе» (1819), «Граф Роберт Парижский» (1832), «Замок Опасный» (1832). Они написаны якобы неким деревенским учителем Питером Петтисоном по рассказам владельца гостиницы «Уоллес» в Гэндерклю. После смерти Петтисона другой вымышленный персонаж – гэндерклюский учитель и церковный псаломщик, или, как именует его Вальтер Скотт, «мой ученый друг и покровитель», мистер Джедедия Клейшботэм – будто бы издал сочинения покойного, чтобы покрыть издержки на его похороны. Об этом и сообщает В. Скотт в полушутливых-полусерьезных предисловиях, предпосланных отдельным томам серии.

2.

«Скромный пастушок» – пасторальная драма шотландского поэта Аллана Рэмзи (1686–1758).

3.

Иаков. – Имеется в виду шотландский король Иаков VI

(1567–1625), вступивший на английский престол в 1603 г., под именем Иакова I.

4.

Закон о безопасности – принятый шотландским парламентом в 1703 г. закон, согласно которому король Англии может быть королем Шотландии лишь в том случае, если он обязуется охранять привилегии пресвитерианской церкви, а также свободу и торговые интересы шотландцев.

5.

Королева Анна (1702–1714) – последняя английская королева из династии Стюартов.

6.

Годолфин Сидней (1645–1712) – английский государственный деятель.

7.

Камеронцы – последователи шотландского пресвитерианского проповедника Ричарда Камерона (ум. в 1680 г.).

8.

Стюарты – королевская династия, правившая в Шотландии (с 1317 г.) и в Англии (1603–1649, 1660–1714). Происходила

от старинного шотландского феодального рода, один из представителей которого получил звание королевского управляющего (стюарта).

9.

Прелатисты – сторонники англиканской церкви, управляемой епископами, или прелатами.

10.

Пресвитериане – шотландские протестанты, отрицавшие власть епископов. Пресвитерианская церковь управляется выборными старейшинами – пресвитерами.

11.

Овидий – римский поэт (43 до н. э. – 17 н. э.), автор поэмы «Метаморфозы». В поэме пересказываются греческие и римские легенды, каждая из которых заканчивается метаморфозой – то есть превращением людей в животных, деревья, камни и т. п.

12.

Келпи, спунки – домовые, оборотни.

13.

Якобит – сторонник низверженного в 1688 г. английского короля Иакова II Стюарта и его потомков.

14.

Пикты – одно из кельтских племен, населявших Шотландию в древности.

15.

Побоище при Марстон-муре (1644) – сражение, в котором войска английского парламента и шотландцев под командованием Кромвеля разбили армию короля Карла I.

16.

Монтроз Джеймс, маркиз (1612–1650) – руководитель шотландских роялистов, сторонников низложенного короля Карла I. В 1643–1645 гг. одержал ряд побед, но был разбит шотландским генералом Дэвидом Лесли (1601–1682) в сражении при Филипхоу 13 сентября 1645 г. и бежал из Шотландии. В 1650 г., во время новой попытки восстановить на престоле Стюартов, был схвачен и казнен.

17.

Битва под Дунбаром. – В 1650 г. под Дунбаром войска Кромвеля разгромили шотландских роялистов, руководимых сыном Карла I, будущим Карлом II.

18.

Резня у Босуэлова моста. – В 1679 г. шотландские

пуритане были разбиты правительственными войсками под командованием герцога Монмута у Босуэл-бриджа.

19.

...перед тем, как Аргайл высадился на наш берег... – Имеется в виду граф Арчибалд Аргайл (ум. в 1685 г.), представитель шотландского клана Кэмпбелов. В 1681 г. был обвинен в государственной измене и бежал в Голландию. В 1685 г. высадился с небольшим отрядом в Шотландии с целью свержения короля Иакова II, но был схвачен и казнен.

20.

Бомонт Фрэнсис (1584–1616) – английский драматург, писавший совместно с Джоном Флетчером (1579–1625).

21.

«Спасенная Венеция» – трагедия английского драматурга Томаса Отвэя (1652–1685). Ринальдо и Бедамар – злодеи, Джифар и Пьетро – положительные персонажи этой пьесы.

22.

Кэмпбел Томас (1777–1844) – шотландский поэт и критик.

23.

Подобно убийце Банко... – Банко – персонаж из трагедии Шекспира «Макбет». Убийца, подосланный Макбетом к

полководцу Банко, является доложить о совершенном преступлении со следами крови на лице.

24.

Дуглас Черный – прозвище сэра Джеймса Дугласа (1286–1330), героя шотландской истории, совершавшего многочисленные набеги на Англию.

25.

Иаков VIII – сын Иакова II Стюарта. После смерти отца (1701) был провозглашен королем Иаковом III английским и Иаковом VIII шотландским, но не царствовал. В качестве претендента на английский престол пытался высадиться в Англии в 1707 г., но флот его был рассеян английской эскадрой под командованием адмирала Бинга.

26.

«Кристабел» – поэма английского поэта Сэмюэла Колриджа (1772–1834).